совесть, ведь пример подавал сам молодой директор. Он был всегда сдержанным, немногословным, но твердым и непреклонным в своих решениях. И результаты не заставили себя ждать: к июню 1941 г. артиллерийское производство, от выплавки стали до сборки, было полностью готово к крупномасштабному производству гаубичной и танковой артиллерии. Так что начало войны не застало уралмашевцев врасплох.

Наверное, ни одному другому директору завода не приходилось так сложно, как Борису Глебовичу Музрукову. На Уралмашзаводе каждые полгода осваивался серийный выпуск новых изделий: бронекорпусов, танковых пушек, танков, САУ. Да еще в придачу дали задание огромными партиями выпускать корпуса реактивных снарядов для «катюш». И никто не освободил завод от выпуска запчастей для металлургических заводов. Мало того, в войну Уралмаш поставлял оборудование и для новых доменных печей, вводимых в строй на Урале, причем на то время крупнейших в мире. Но не было за всю войну случая, чтобы завод не справился с каким-нибудь заданием.

А «секрет» столь успешного руководства заключался в том, что Музрукова на заводе бесконечно уважали и начальство, и простые рабочие.

Ветераны Уралмаша, знавшие его лично, все, как один, вспоминали так: «Приказы директора выполняли беспрекословно. И не только потому, что знали: их исполнение он обязательно проверит. Просто если Борис Глебович просил что-то выполнить, “разбивались в доску”, но выполняли».

Пожалуй, глубже всех секрет необычайной популярности Б.Г. Музрукова раскрыл в своих воспоминаниях один из руководителей технологической службы комбината «Маяк» М.М. Башкирцев: «Не только я и подобные мне руководители управленческих служб, но и руководители производственных объектов в разговорах между собой высказывались, что при Борисе Глебовиче напряжения в работе было больше, но и работать было вроде проще и легче, т.к. многие технические решения и мероприятия директор брал на себя. И каждый из тех специалистов, кому пришлось работать в труднейший период освоения нового производства под руководством Бориса Глебовича Музрукова, вспоминает о нем с теплым чувством благодарности и уважения...»

В ноябре 1947 г. Бориса Глебовича Музрукова вызвали в Москву, и он... пропал. Никто не знал, что с ним, где он. А в то время такое исчезновение могло означать все что угодно. В том числе и самое страшное. Даже жена ничего не знала. Оказывается, в судьбу Музрукова вмешался «вождь всех народов». Из предложенного Берией списка кандидатов на должность директора завода по производству оружейного плутония (ныне — комбинат «Маяк») Сталин остановил свой выбор на директоре Уралмашзавода.

Не по своей вине Музруков покинул Уралмаш молча, не попрощавшись. Вроде как бы в служебную командировку уехал, а из нее не вернулся.

А прозвище «царь Борис» перекочевало вслед за Музруковым на сверхсекретный объект...

Город-сад

В Екатеринбурге часто можно услышать: «Я живу на Уралмаше», «Я работаю на Уралмаше» или даже: «Как сыграл «Уралмаш»? Так все-таки что же такое «Уралмаш»? Это и крупнейшее в России предприятие тяжелого машиностроения, и поселок, примыкающий к нему, и спортивные команды. «Флагман индустрии», «отец заводов» — так еще называли Уралмаш в средствах массовой информации. О нем написано немало, а вот история соцгорода Уралмаш (так было принято говорить прежде, так по привычке уралмашевцы говорят и до сих пор) вообще мало кому известна. Многие считают его обычной городской окраиной, о которой вроде бы и сказать-то нечего. Так ли это? Давайте вместе побываем там.

Площадь Первой пятилетки. 1932 г.

Если вы пройдетесь по соцгороду, то не раз еще увидите четыре буквы — УЗТМ, — заключенные в овал, обозначающие торговую марку Уральского завода тяжелого машиностроения, а ныне открытого акционерного общества с тем же названием.

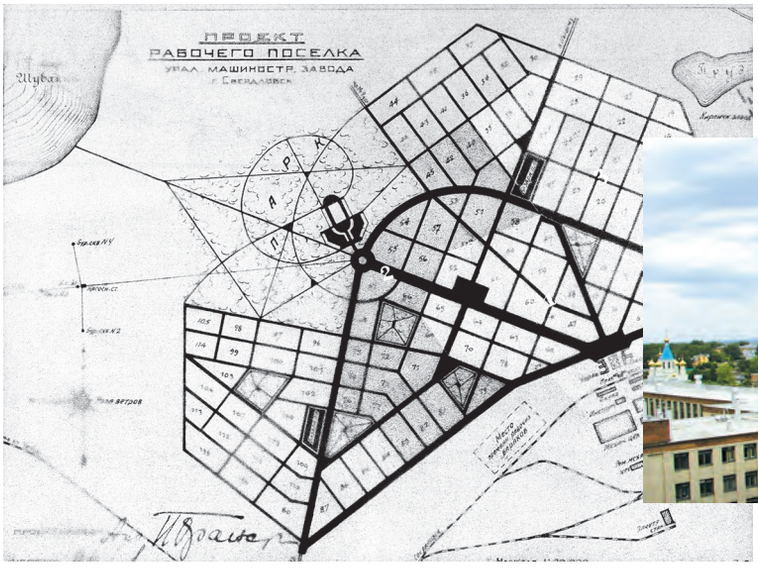
Жилые кварталы соцгорода отнесены к северу от завода. Такое расположение изначально предусматривалось проектом ГИПРОМЕЗа.

В северном направлении от площади отходят три улицы-луча. Если сравнить нынешнюю планировку соцгорода с проектом, то нетрудно уловить существенную разницу. В проекте радиальный принцип расположения улиц дополнялся кольцевым (точнее, «полукольцевым»), от чего затем отказался архитектор П.В. Оранский. Он же «привязал» центральный луч (нынешнюю улицу Орджоникидзе) к центральному заводскому коридору, что обеспечило более рациональные пути к заводу и от завода (в проекте улицы-лучи подходили к заводу западнее, в районе ул. 40-летия Октября). К тому же в проекте вообще не предусматривалась заводская площадь, которая ныне именуется площадью Первой пятилетки.

Отказ от полукольцевых поперечных улиц создал довольно сложную паутину дорог, разобраться в которой новичку бывает довольно сложно. Сами же уралмашевцы утверждают, что ориентироваться в соцгороде очень просто, — дескать, «все дороги ведут к заводской трубе». Во всяком случае, благодаря своеобразной планировке на перекрестках образовалось много угловых участков, превращенных в газоны и скверы. Да и по обочинам улиц везде в старых кварталах устроены газоны. В 1930-е гг. везли с Поволжья вагонами ясени, липы, клены, дубы, декоративные кустарники.

Улица Орджоникидзе

Площадь Первой пятилетки. 2008 г.



Генплан соцгородка при Уралмашзаводе. Архитектор П.В. Оранский. 1929 г.

Жители других районов всегда завидовали Уралмашу, называя его *городом-парком*. Особенно хороша была раньше улица Кировградская, которую строители условно называли Садовой. Это был бульвар, от начала и до конца огражденный чугунными решетками, вдоль которых сплошной стеной росли аккуратно подстриженные кусты акации. Еще лет 35 тому назад чугунных решеток и акаций в соцгороде было очень много, и они придавали улицам своеобразный вид.

В общем, поселок Уралмаш — это настоящий городок в

Вид поселка со стороны шоссе. 1930 г.

рамках Екатеринбурга со своим жизненным укладом. Хотя слово «городок» в данном случае, наверное, не совсем уместно — все-таки в нем проживает более 180 тыс. человек! Сейчас в это трудно поверить, но по первоначальному проекту в 1933 г. в нем должны были жить всего 11 тыс. человек, а в перспективе, в середине 1950-х гг., планировалось население в 24 тыс.

«Мадрид»+ в Екатеринбурге

Мало уже кто помнит, что в 1950-е гг. посередине бульвара Культуры, названного в честь заводского культурного комплекса, который планировалось построить в соответствии с проектом соцгорода, тянулись железнодорожные пути, которые шли до деревообрабатывающего завода, действовавшего неподалеку, возле школы № 22. Прямо посреди улицы дымили паровозы, тащившие товарные вагоны с бревнами.

В самом начале улицы, на левой стороне, расположено одно из самых красивых зданий соцгородка, за которым в народе закрепилось название «Мадрид». Дом этот создавался под руководством архитектора П.В. Оранского, а проектировал его архитектор В.В. Безруков.

Относительно его происхождения имеется несколько версий, но, наверное, ближе всего к истине следующая. Когда здание еще строилось, в нем предполагалось разместить гостиницу. Как раз в это время в Испании шла гражданская война, и будущей гостинице дали «актуальное» название «Мадрид». Но в 1937 г. вместо гостиницы в новом здании разместилось образцовое женское общежитие. Затем, в войну, эвакогоспиталь, потом снова женское общежитие. Тем не менее название «Мадрид» за домом закрепилось и, похоже, навсегда.

Гостиница «Мадрид»

«Большевик» на Химмаше

Решение о строительстве на Урале машиностроительного завода-гиганта было принято еще в 1930 г., но, только начавшись, строительство было законсервировано. В августе 1941 г. крупные заводы по переработке алюминия оказались на оккупированной территории, возникла острая нужда в этом металле. Тогда и решили развернуть новое производство на Урале, эвакуировав сюда оборудование киевского завода «Большевик» и направив эшелоны с людьми в Свердловск.

Директор завода «Большевик» Валериан Петрович Курганов приехал в Свердловск своим ходом. То, что он увидел в Свердловске, его потрясло: вместо производственных корпусов «гиганта машиностроения» — бараки, здание заводоуправления и несколько мастерских. К тому же в горячке военного времени Курганова местные чекисты приняли за шпиона и чуть не расстреляли. К счастью, ему удалось доказать, что он тот, кого здесь ждут.

Тогда на заводе были сформированы бригады из подростков. Заводских ребят сразу поставили на разгрузку вагонов с оборудованием эвакуированного из Киева завода «Большевик»: на станцию уже прибывали вагоны с киевскими рабочими и инженерами, деталями, станками. Сразу с колес на открытых строительных площадках разворачивались мастерские, в уже построенных бараках устанавливались станки.

Уже в октябре завод начал поставлять теплообменные аппараты и редукторы Уральскому алюминиевому заводу и смолоперегонные кубы Нижнетагильскому коксохимическому комбинату. Но настоящим «днем рождения» завода стал считаться день, когда была выпущена первая партия полковых минометов — 23 февраля 1942 г. В 1943 г. завод Уралхиммаш кроме продукции, ориентированной на нужды фронта, приступил еще и к выпуску гражданской продукции: машин и аппаратов для предприятий химической промышленности. За трудовые успехи в годы Великой Отечественной войны коллектив завода был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

После войны на предприятии был выстроен котельно-заготовительный комплекс, организовано металлургическое производство и механообрабатывающее. В 1958 г. завод наладил серийный выпуск машин и аппаратов для предприятий химической промышленности. С этого времени начался подъем завода к пику славы, когда уральский завод называли не иначе как «флагман химического машиностроения». В 1970-х гг. завод стал широко известен: и сейчас нет в стране практически ни одного промышленного предприятия, где не использовалось бы оборудование, выпущенное на Уралхиммаше. За успешное выполнение пятилетнего плана по освоению производства сложного оборудования для химической промышленности наградой стал орден Ленина (1971).

В свое время завод поставлял металлоконструкции атомных реакторов типа РБНК-1000 и РБНК-1500 для крупнейших советских АЭС и в научно-исследовательские институты Челябинска и Красноярска. Освоил выпуск установок для опреснения морской воды, которые установлены в городах Шевченко, Новороссийск, Красноводск. Уралхиммаш был монополистом по производству электролизеров и электролизных установок, аппаратов с вращающимися барабанами, вакуум-фильтров различных модификаций. На предприятии освоили производство крупногабаритных шаровых резервуаров и газгольдеров, мощного оборудования для целлюлозной промышленности. Оборудование, выпускаемое заводом, поставлялось более чем в 25 стран мира, до сих пор идут поставки запасных частей к уральскому оборудованию в Бангладеш, Индию, другие страны. Кстати, оборудование, произведенное на Уралхиммаше, работает гораздо дольше установленного срока службы...

Несколько лет назад завод Уралхиммаш смог преодолеть стагнацию производства, приступив к выполнению заказов новых для себя потребителей: предприятий газового и нефтеперерабатывающего комплексов. Сейчас среди его заказчиков такие крупные российские компании, как «Газпром», «Роснефть», «Славнефть», ГМК «Норильский никель», «Татнефть», РАО ЕЭС. Новые крупные заказчики — процесс для Уралхиммаша закономерный: несмотря на годы экономических перипетий, основные специалисты высокого класса не покинули завод, и весь «золотой фонд» коллектива сохранился.

Он там, за рекой — Химмаш...

В границах огромной Уральской области в 30-х гг. XX в. были собраны территории, соразмерные всей Западной Европе

Трансформация Свердловска в *мощный индустриальный центр* предъявляла особые требования к развитию транспорта. Во второй пятилетке была произведена масштабная реконструкция свердловского железнодорожного узла. Вошла в строй действующих крупнейшая в Европе станция Сортировочная (1933 г.). Одновременно была введена в эксплуатацию новая железнодорожная линия Урал–Курган протяженностью 363 километра, что значительно ускорило продвижение составов из Сибири и Караганды на северо-запад. В феврале 1937 г. на участке Свердловск–Гороблагодатская–Соликамск протяженностью в 500 километров началось движение поездов на электрической тяге. Это был первый в СССР опыт электрификации железнодорожного транспорта. Влияние инфраструктуры железнодорожного узла на жизнь города стало настолько ощутимым, что 2 августа 1938 г. было принято решение об образовании в Свердловске Железнодорожного административного района.

В 1930 г. через Свердловск пролегла авиалиния Москва–Свердловск–Иркутск, затем были налажены регулярные рейсы в Салехард, на Западный и Южный Урал. Город стал *одним из ведущих узлов воздушного сообщения в СССР*, где базировались не только пассажирские, почтовые, грузовые самолеты, но и авиация специального назначения — санитарная, лесоохранная, сельскохозяйственная и геологоразведочная[83].

Во славу советского спорта

1932 г. В честь окончания создания Урало-Кузбасского промышленного комбината было решено провести Урало-Кузбасскую спартакиаду. Для участия в этом грандиозном спортивном мероприятии прибыли спортсмены из Москвы, Ленинграда, Западной Сибири, Казахстана, Башкирии, Франции. Спортсмены состязались в 7 возрастных группах (от ветеранов спорта до школьников). Программа небывалого спортивного праздника включала соревнования по баскетболу, боксу, волейболу, велоспорту, гимнастике, городкам, гребле, легкой атлетике, национальной борьбе, плаванию, прыжкам в воду, стрельбе, стипль-чезу (многоборье), теннису, тяжелой атлетике, футболу, фехтованию, шахматам, шашкам, штурму укреплений, кроссу по городу.

Участники парада строились на площади Мщения, так раньше называлась площадь около Дворца пионеров и школьников на Вознесенской горке. Колонны спортсменов проходили около кинотеатра «Октябрь», выходили на проспект Ленина и торжественным маршем шли через Площадь 1905 года на областной стадион им. В.И. Ленина (ныне Центральный стадион). Замыкали колонну свердловские динамовцы. Когда первые колонны заходили на беговую дорожку стадиона, динамовцы еще строились в колонну на Вознесенской горке. Колонны спортсменов растянулись на 15 кварталов!!! Представьте себе, как выглядел финальный легкоатлетический кросс по улицам города, в котором на старт вышли все участники спартакиады!

Соревнования по плаванию в бассейне «Динамо»

Трамплины на Уктусских горах

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ: ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

В годы первых пятилеток развивался и обогащался не только народнохозяйственный комплекс Свердловска. Еще 19 октября 1920 г. Совнаркомом был принят декрет об учреждении в городе Уральского государственного университета. Екатеринбург–Свердловск таким образом приобрел статус университетского города. Немаловажно, что новый вуз в составе горного, политехнического, медицинского, сельскохозяйственного, общественных наук, педагогического институтов и рабочего факультета был способен готовить специалистов разного профиля. Это был новый для страны тип «многостороннего» университета[84], явившийся отражением тенденций сближения гуманитарного, естественнонаучного и технического знания, интеграции наук.

Летающие лыжники

В 1934 г. Свердловск впервые в своей истории принимает участников официального чемпионата СССР сразу по нескольким видам спорта — первый Всесоюзный горнолыжный праздник. К его открытию на Уктусских горах создается современный по тем временам горнолыжный комплекс с самым большим в стране прыжковым трамплином. Гостями праздника стали сильнейшие спортсмены страны и гости из Швейцарии, Норвегии, Чехословакии, Швеции. Сразу после торжественного открытия соревнований первым же прыжком с трамплина в присутствии 20 тыс. зрителей устанавливается новый рекорд Советского Союза.

Первые студенты на практике

Нахаловка — город втузов

С простора
от снега светлого
Встает
новорожденный
город Све́рдлова.
Полунебоскребы
лесами поднял,
Чтоб в электричестве
мыть вечера.
А рядом —
гриб,
дыра,
Преисподняя,
как будто
У города нету
«сегодня»,
а только —
«завтра» и «вчера»...

Это писал в 1920 г. Маяковский, когда Свердловск обрастал гладкостенными конструктивистскими фасадами Домов промышленности, печати, обороны, связи, снабсбыта, превращавших город в «социалистический гигант».

А в это время за улицей Восточной текла тихая, спокойная жизнь. Поутру, захватив лукошки, окрестные жители, перебравшись через железную дорогу, собирали грибы и ягоды. Особенно хороша на многочисленных болотах была брусника... После Гражданской войны вокруг недостроенного здесь здания Горного института стали появляться частные домики с садами и огородами. Частники застраивали район самовольно, нахально. Отсюда и название поселка — *Нахаловка*. Это место в 1929 г. по решению наркома просвещения было выделено для строительства политехнического института, входившего тогда в состав Уральского госуниверситета. На географических картах города непритязательное название *Нахаловка* сменилось гордым *Втузгородок*. Началось строительство уникальнейшего комплекса, включающего образовательные здания, студенческие общежития и профессорские корпуса.

Здания возводились в популярном в те годы стиле конструктивизма. Стройка совпала с постановлением Центрального Исполнительного Комитета о делении Уральского политехнического на отраслевые вузы. Так, с 1933 г. здание, в котором размещается ныне строительный факультет УГТУ, заняла Урало-Казахстанская промышленная академия, появились физико-технический институт и институт черных металлов.

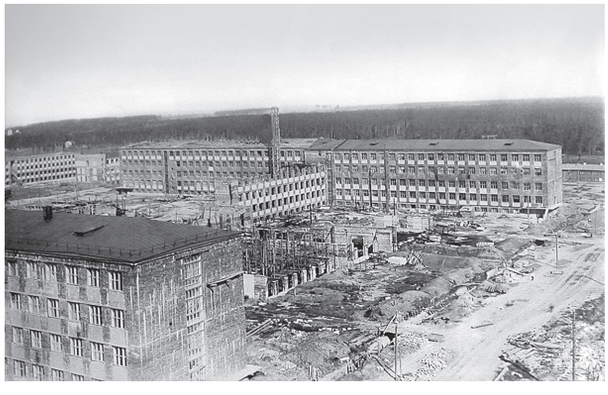
Но главное здание постигла неудача. В 1932 г. часть корпуса сгорела и на пять лет была законсервирована, забита досками. По рассказам старожилов, в 1930-е гг. Втузгородок имел жалкий вид. Студенты и преподаватели иначе как «трущоба и окраина» этот район не называли. Ни одно здание к 1938 г. не было полностью сдано в эксплуатацию. Большинство корпусов не имело штукатурки, многие дома были окружены бескрайними пустырями. В городке не было ни одного тротуара, лишь небольшое количество деревянных настилов. Многие здания не имели не только элементарных удобств — не хватало даже лестниц. Люди поднимались в квартиры по трапам.

Положение начало меняться с 1937 г., когда ректором УПИ стал Аркадий Семенович Качко, энтузиаст возведения и благоустройства Втузгородка. В московских архитектурных мастерских был создан проект реконструкции и достройки главного корпуса института. Величественный портик, грандиозные по отделке вестибюль, фойе, читальный, чертежный и актовый залы привлекли внимание всей страны. Немного позже писатель Мариэтта Шагинян заметит, что главное здание УПИ больше похоже на музей изящных искусств, чем на технический вуз. У главного здания по модели скульптора Томского установили памятник С.М. Кирову, везде расставили статуи гипсовых студенток, шахтеров, рабочих и, конечно, вождей революции, а внутри главного корпуса появилась легендарная скульптура наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Она была создана в 1937 г. для выставки «Индустрия социализма». Ее авторами были ленинградские скульпторы — Боголюбов и Ингал. Последний в 1950-х гг. установил на главной площади Свердловска памятник В.И. Ленину.

Правление Уральского государственного университета. 1922 г.

В войну 1941–1945 гг. комплекс УПИ принял эвакуированные предприятия. В зданиях разместились госпитали. Студентам и преподавателям приходилось ютиться в оставшихся небольших помещениях. После того как страна оправилась от войны, во Втузгородке началось массовое строительство жилых зданий. «Генеральский городок» и площадь перед главным корпусом УПИ, строительство и благоустройство которых закончились в середине 1960-х гг., превратили это место в один из красивейших районов города.

Панорама строительства главного корпуса УПИ. Начало 30-х гг. XX в.



Занятия по рисунку у первой группы студентов-архитекторов. 1947 г.

Начало работы Уральского университета стало знаменательным событием не только в жизни города, но и Урала в целом: был заложен фундамент для дальнейшего развития Екатеринбурга-Свердловска как крупнейшего в стране *вузовского центра*. Не прошло и двух десятилетий, как эта перспектива получила свое реальное воплощение. В 1938 г. в 12 вузах Свердловска обучалось 11,6 тыс. студентов. Кроме того, в городе действовало 20 средних специальных учебных заведений[85].

Наряду с функциями «кузницы кадров» в 1920–1930-е гг. Свердловск приобрел значение одной из основных научных баз страны. В 1929 г. в городе возник первый на Урале научно-исследовательский и проектный институт Уралмеханобр (Уральский научно-исследовательский и проектный институт обогащения и механической обработки полезных ископаемых)[86]. Процесс становления отраслевой науки отличался высокими темпами и масштабами: уже к концу первой пятилетки в городе функционировало 18, а к концу второй — 25 научно-исследовательских институтов промышленного профиля, которые внесли большой вклад в освоение Уральского края, внедрение в производство новой техники и технологии[87].

Важным событием в развитии науки на Урале явилась организация в 1932 г. Уральского филиала Академии наук СССР с центром в Свердловске. В условиях создания на Востоке страны второй угольно-металлургической базы перед новым центром академической науки была поставлена задача скорейшего комплексного освоения природных богатств Урала. О том, что решалась она успешно, свидетельствует факт рождения в городе целого ряда научных школ и направлений, которые составили славу не только уральской, но отечественной науки. Среди них — школы металловедов (И.П. Бардин, С.С. Штейнберг, Н.Н. Барабошкин), ми-

В сентябре 1930 г. из состава Уральского университета выделился Свердловский педагогический институт. В это же время был образован Уральский лесотехнический институт. А в марте 1931 г. основан Свердловский медицинский институт. В 1934 г. в Свердловске появились еще два вуза — Институт советского права и Уральская государственная консерватория.

нерологов (А.Е. Ферсман), маркшейдеров (П.К. Соболевский), физиков (С.В. Вонсовский, С.П. Шубин) и другие.

Как *крупнейший научно-исследовательский центр* Свердловск состоялся уже к концу 1930-х гг., когда на его территории разместилась большая часть научных учреждений Свердловской области, занимавшей четвертое место в стране по числу исследовательских институтов и организаций[88]. Своим примером Свердловск подтвердил, что синтез науки и производства становится глобальной тенденцией, альтернативой которой может быть только стагнация.

Интенсивное наращивание промышленного и социокультурного потенциала города привело к беспрецедентному росту его населения, которое за десять предвоенных лет увеличилось в три раза и достигло 430 тыс. человек[89].

Артисты театров Свердловска передают экипажу самоходную артиллерийскую установку, купленную на собранные средства

ВОЙНА

В годы Великой Отечественной войны Свердловск в кратчайшие сроки обеспечил военную мобилизацию и превратился в крупный центр подготовки военных кадров. Командный состав проходил обучение в Военно-политическом училище Уральского военного округа, втором Свердловском пехотном училище, во временно эвакуированной в столицу Среднего Урала Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского. Высокопрофессиональные танкисты выпускались учебным бронетанковым центром, 5-й и 8-й учебными танковыми бригадами[90]. Город отправил на фронт более 100 тыс. свердловчан,

Была война народная

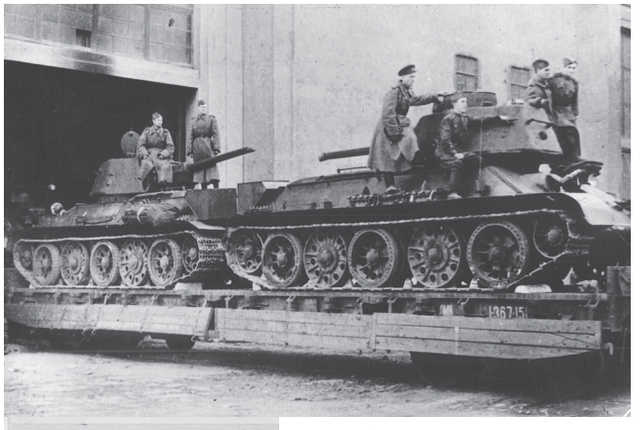
11 марта 2003 г. екатеринбуржцы вместе со всей страной отметили 60-летие формирования Уральского добровольческого танкового корпуса, прославившегося в боях Великой Отечественной войны. И вновь, и вновь вспоминали ветераны соединения об общенародном порыве уральцев, позволившем им не только выпустить значительное количество сверхплановой боевой техники, но и самим повести ее в бой.

Считается, что первоначальный толчок идее о собрании особого корпуса дали рабочие коллектива Уралмаша и Уралвагонзавода, которые уведомили руководство предприятий, что в первом квартале 1943 г. во внеурочное время (!), т.е. сверх напряженного до предела графика фронтовых поставок, они обязуются выпустить столько боевых машин, что их хватит на оснащение целого танкового соединения. Кроме того, полуголодные, измотанные на работе без выходных и отпусков, бесконечно уставшие от тревоги за своих родных и близких, ушедших на фронт, или так же по-фронтовому, на износ стоявшие на вахте в тылу, эти люди бросили клич о сборе пожертвований на оснащение корпуса: более 70 млн рублей было собрано только на оплату производственных затрат по выпуску машин и на приобретение обмундирования для добровольцев.

Кстати, сначала председатель Государственного Комитета Обороны И.В. Сталин довольно скептически отнесся к патриотическому порыву уральцев — а к свердловчанам и жителям Тагила присоединятся челябинцы и пермяки (тогда молотовчане). Мотивировка лежала на поверхности: а кто же на заводах работать будет?

Однако убедили Иосифа Виссарионовича, что производство не оголится, а напротив, в тылу, как и на фронте (это те, кто смогли, невзирая на *бронь* или отсрочку, вступить в ряды добровольцев), уральцы, не щадя ни сил, ни самой жизни, все сделают для скорейшего разгрома врага.

Орденоносный, отличившийся в тяжелейших танковых сражениях на Курской дуге и со славой дошедший до Праги, Уральский добровольческий корпус — ярчайший пример единения всего народа для общей великой и благородной цели.



На фронт!

почти 42 тыс. из них с войны не вернулись. Их ратный подвиг был отмечен Родиной орденами и медалями. 11 уроженцев города и 62 человека, чья судьба так или иначе была связана с довоенным Свердловском, были удостоены звания Героя Советского Союза[91].

Трудно переоценить трудовой вклад свердловчан в Победу. Экономика Свердловска в сжатые сроки была переведена на военные рельсы, что превратило город в «кузницу оружия» для фронта. Уралмаш перешел на массовый выпуск бронекорпусов для тяжелых танков «КВ», самоходных артиллерийских установок СУ-122, СУ-85, среднего танка Т-34. Верх-Исетский завод освоил выплавку легированных конструкционных и нержавеющих сталей для танковой промышленности. За годы войны завод им. М.И. Калинина изготовил более 20 тыс. зенитных установок 85-го калибра и несколько тысяч противотанковых пушек 45-го калибра, завод «Уралэлектроаппарат» поставил на фронт 1711 реактивных минометов «Катюша»...[92]

В силу своего срединного положения на карте страны Свердловск, как и другие города Урала, оказался принимающей территорией для населения и предприятий, эвакуированных из западных районов СССР. За счет эвакуации численность населения города увеличилась до 548 тыс. человек. По мере освобождения западных районов страны была развернута реэвакуация, в результате которой население Свердловска к 1945 г. сократилось до 488 тыс. человек[93].

Что касается эвакуированных предприятий, то следует отметить, что в 1941–1942 гг. город принял и разместил на своей территории более 50 заводов и фабрик. Прибыв в город, они или полностью сливались с однопрофильными заводами, значительно усиливая их производственные мощности, или начинали самостоятельную деятельность. Разместившись на площадке УЗТМ, Ижорский завод (Ленинград) и еще несколько оборонных предприятий в совокупности составили

Уральцы на фронте

колоссальную мастерскую по производству бронетехники. В результате соединения производственно-технических мощностей воронежского завода «Коминтерн» и «Уралэлектроаппарата» заметно увеличился выпуск реактивных минометов. Объединившись с пятью эвакуированными заводами, Уральский турбомоторный завод стал крупнейшим в стране производителем дизель-моторов. Производственные мощности Киевского завода «Большевик», прибывшего в Свердловск в августе 1941 г., легли в основу создания будущего гиганта химического машиностроения — Уралхиммаша. На базе оборудования Охтинского химического комбината был построен Свердловский завод пластмасс, ставший в годы войны единственным поставщиком смол, шедших на изготовление дельта-древесины, авиафанеры и бакелитированной фанеры для понтонов. Киевский «Красный резинщик» и московский «Каучук» стали своего рода фундаментом для основания Свердловского шинного завода и завода резинотехнических изделий, начавших производить все виды резиновых деталей для боевой техники[94].

Г.Я. Бахчиванджи у знаменитого самолета Би-1 с реактивным двигателем. Весна 1942 г.

Н.И. Кузнецов

Восстановление эвакуированных предприятий значительно обогатило промышленность Свердловска новыми отраслями производства. Наряду с заводами тяжелого машиностроения были расширены и заново по-

«Перехожу к действиям»

На втором этаже заводоуправления Уралмаша долгое время висела чугунная доска 30 на 40 сантиметров: «В этой комнате в 1935–1936 гг. работал Герой Советского Союза Кузнецов Николай Иванович». Да, приехавший в 1934 г. в Свердловск будущий знаменитый разведчик Второй мировой войны и будущий почетный гражданин нашего города (посмертно), в мае 1935 г. поступил на УЗТМ расцеховщиком бюро технического контроля конструкторского отдела.

Кстати, в эти годы на Уралмаше работали немецкие специалисты, которые вели монтаж и наладку закупленного германского оборудования. Николай Кузнецов, чьей служебной обязанностью было отслеживание оперативного продвижения чертежей по цехам завода, с иностранцами общался довольно часто и близко. Вот где была возможность посещавшему курсы немецкого языка Кузнецову попрактиковаться и в живом общении — подтянуть грамматику, обогатить словарный запас, а также усвоить привычки и манеру поведения.

Ветераны завода-гиганта вспоминают, что он даже одевался на иностранный манер: *«носил клетчатое пальто и шляпу, порой появлялся в галифе и с тросточкой в руках, копируя немцев»*.

Как и для всех тогдашних советских людей, девиз «Будь готов к защите Родины!» не был для Кузнецова только пафосными словами: молодой человек со значком «Ворошиловский стрелок» на лацкане пиджака отлично стрелял — еще в талицкой юности случалось ходить с ружьишком, хорошей практикой стала и работа таксатором по устройству лесов в Коми-Пермяцком национальном округе (с 1930 г., после окончания техникума) — из тайги лесоустроители не вылезали.

Занимался Кузнецов также альпинизмом (на Чертовом Городище, Семи Братьях и Азов-горе), парашютным спортом (перепробовал не единожды все свердловские парашютные вышки, выезжал даже в Первоуральск, где вышка была выше на несколько метров).

Ну, а партизанский отряд Д. Медведева, мундир оберлейтенанта Пауля Зиберта, карательные акции против фашистских бонз Функа, Гелля, Винтера, Блуэра, Ильгена, Петерса, Зайделя и др. — все это впереди. *Это было под Ровно…*

* * *

В железной печке пляшут тени,
Огонь разбуженный гудит,
И мать, уставшая смертельно,
На табуреточке сидит.

Работой смята непосильной
В цехах холодных тыловых
За брата,
Мужа
И за сына,
И за себя — за четверых.

Безвольно руки опустила
В печали бабьей искомой.
А на щеке слеза застыла,
И взгляд как будто неживой.

Сейчас ее никто не видит.
Но утром снова встанет мать
И к нам с лицом спокойным выйдет
Войну и смерть перемогать.

Герман Иванов

Раненые бойцы в одном из госпиталей Свердловска

строены предприятия электросилового оборудования, средств связи, станкостроения, инструментального производства, химического машиностроения, пластических масс, резинотехнических изделий, шарикоподшипников. Слияние индустриального комплекса столицы Среднего Урала с промышленной мощью предприятий, прибывших из районов, захваченных неприятелем или подвергшихся угрозе оккупации, в 7 раз увеличило промышленное производство города по сравнению с довоенными показателями[95].

Заметен вклад Свердловска в возвращение к жизни городов и районов, освобожденных от оккупации. Эшелон за эшелоном посылали свердловчане в западные области. Оборудование для электростанций, шахт, заводов отправлялось в Поволжье, Донбасс, Приднепровье[96].

Город — работник и воин — даже в годы войны продолжал жить активной научной и культурной жизнью, подтвердив свой статус современной научной базы и богатейшего культурного центра.

В сентябре 1941 г. была сформирована Комиссия по мобилизации ресурсов Урала под руководством президента АН СССР академика В.Л. Комарова, «штаб» которой находился в Свердловске и возглавлял работу 60 научных учреждений и организаций.

Мы за ценой не постоим

О трудовом подвиге оставшихся в тылу свердловчан написано немало. Что это было: самопожертвование во имя высокой цели, страх перед наказанием за нарушение трудовой дисциплины в жестокое военное время, инстинкт самосохранения? Наверное, и то, и другое, и третье.

Но факт остается фактом. И вряд ли его можно объяснить только словами. Хотя условия жизни резко ухудшились, и совсем небогатый довоенный уровень жизни стал казаться почти сказкой, никто в то время не говорил о «стратегии выживания». Скверно одетые и обутые, голодавшие и недосыпавшие свердловчане до изнеможения напрягали все силы с упрямой решимостью победить врага любой ценой. Они работали без выходных и отпусков по 10–14 часов в холодных цехах, под дождем и снегом, в невыносимой жаре у сталеплавильных печей и домен, проявляя чудеса изобретательности в борьбе с постигшим страну несчастьем. За всеми великими и малыми подвигами стояли обычные люди, многие из которых и поныне живут в нашем городе.

«Войны в нас — больше, чем победы...»

Представлять ***Майю Никулину*** *необходимости нет. Поэт Божьей милостью, педагог и редактор. А еще жительница Свердловска — Екатеринбурга, которая помнит страшное лицо нашего глубоко тылового города. Настолько страшного, что понимаешь: и здесь проходила линия фронта...*

Военный Свердловск — танки, госпиталя, огороды... Но с самого начала войны, очень скоро, — беженцы, эвакуированные с запада: с Украины, из Белоруссии, потом из Ленинграда. Одного мальчика, непонятно каких лет, раздутого и похожего на большой волдырь, вынесли из подъезда, посадили па лавочку, мама его села рядом, поддерживая его за плечи.

— Толстый какой, — удивился кто-то из наших. Мама его заплакала:

— Он не толстый, он от голода отек.

Мы скоро узнали, что такое голод. Уже первый военный год обобрал горожан до нитки: все, что имело хоть какую-то меновую стоимость, отдано было за картошку и муку. С весны 1942 года мы решительно перешли на подножный корм — на крапиву, щавель, сныть, мокрицу, корни лопуха, калачики, саранки, липовые почки, сосновые побеги — на все, что было съедобным, начиная от первых зеленых росточков травы и кончая последними, мелкими, как горох, яблочками, которые становились необычайно сладкими после ноябрьских морозов.

Мы — это дети младшего и среднего дошкольного возраста. Старшие дошкольники были по-своему мобилизованы — цитирую распоряжение директора Уралмашзавода № 225 от 15 июня 1942 года — «Для сбора крапивы и щавеля с использованием последних для питания». В заводских столовых ели суп из мороженой брюквы и мороженой кормовой свеклы. На Уралмаше проблема дистрофии перестала быть первоочередной только весной 1945 года.

Мы быстро забыли довоенные разносолы (я увидела сыр, когда училась в девятом классе, и представить себе не могла, что это такое): мы забыли даже названия прежней еды и перешли на родовые — как в продовольственных карточках — понятия: жиры, крупа, хлеб, и, естественно, стали главной силой в очередях: отцы на фронте, матери на заводе, двенадцатичасовой рабочий день, часто круглосуточный, никаких отпусков, никаких выходных дней... Очередь занимали вечером, часов в шесть, получали хлеб утром. Очередь была живая, т.е. требовала постоянного присутствия каждого стоящего. Зимой в очередях играли в баночку: становились в круг под бледным светом единственного в квартале фонаря и пинали внутри круга жестяную консервную банку. Задача была одна — не выпускать ее за пределы круга. Поднимать банку руками, даже отлетевшую, не разрешалось. В этом был смысл: мы берегли номера, чернильным карандашом написанные на ладони. Через каждые два часа устраивалась перекличка, и номер нужно было предъявить в цельности. Главное, что баночка не давала замерзнуть, — все военные зимы были холодными. В хлебном деле были свои правила: мелкие довески принадлежали добытчикам, притом самые маленькие, те, что меньше пальца, разрешалось съесть уже по дороге домой.

Хлеб был ценностью абсолютной. Как-то весной (было уже тепло) утром возле бани нашли убитую женщину и при ней сумку с булкой хлеба, и целую неделю мы приходили на страшное место и глядели друг на друга, не умея понять, за что же ее убили, если не взяли хлеб...

Спасала картошка. Весной 1942 года город и ближние окрестности разделили на участки, раскопали гряды. В разные годы наши участки были территориально в начале нынешнего Вторчермета и на сегодняшней Генеральской улице. Улица Ленина от Восточной до УПИ не была застроена и вообще не была, строго говоря, улицей — там росла картошка.

Картошку нужно было беречь: окучивать, полоть, наконец, — это самое главное — просто сторожить, особенно в конце июля и в начале августа, когда она уже поспевала.

Мы приходили на свой участок утром. Бабушка кланялась гряде: «Матушка, не дай детям погибнуть...» Потом проверяла крайние кусты, осторожно пробираясь в земле руками, виновато разговаривая с каждым кустом, выщупывая картофелины побольше. Мы паслись рядом — ели кислицу, сосновые пестики и редкие ягоды.

— Вот какая наросла, — говорила бабушка. — Вот какая. А как сварим... А посолим...

До картошки мы дотягивали из последних сил. И только однажды перебрали: наелись желтых стручков акации. Бабушка притащила нас, чуть живых, стала отпаивать теплой водой, и пока бегала по соседям за марганцовкой, мы уже изошли зеленой пеной и совсем ослабели. Бабушка, увидев нас неподвижно лежащими на полу под общим красным одеялом, упала в дверях. «Господи, не допусти, милостивый...» — причитая, поползла к кровати и поднялась только тогда, когда блокадный Вовка прокричал над нею: «Да живые они, они есть хотят».

Уже на первое августовское варево сбегались едоки со всего двора, и бабушка, опуская половник в кастрюлю, только закрывала глаза, чтобы наверняка освободиться от искушения зачерпнуть своему погуще...

Однажды отец (он заготовлял лес для фронта на Северном Урале, и мы его редко видели) привез мешок гнилой картошки, мороженной и гнилой настолько, что из мешка сочилась вонючая жижа (запах войны, голода и беды). Мы выщупывали в мешке твердые кусочки и складывали их в таз, чтобы потом истереть на терке и сделать крахмал. Крахмал — это кисель: он, если даже без сахара, без ягод, на одной воде, все равно долго держит тепло, т.е., уже съеденный, надежно греет. В другой раз мы перебирали яблоки, черви ползли по рукам, и мы их снимали, когда они забирались за локоть. Мы были совершенно уверены, что жмых — это и есть халва, и когда киевляне начали объяснять, что халва — это хлеб с подсолнечным маслом, мы им не поверили.

Уже после войны ходили смотреть на пленных немцев. Они строили жилой дом на углу улиц Ленина и Восточной: строительная площадка была окружена редким забором, и мы смотрели на пленных сквозь широкие щели. Когда привезли обед, мы припали к своим щелям, некоторые просунули головы, чтобы лучше видеть. Послевоенный голод в Свердловске был злее военного: людей стало больше. Еду разлили по большим мискам, сытный пар стоял

Пункт приема теплых вещей

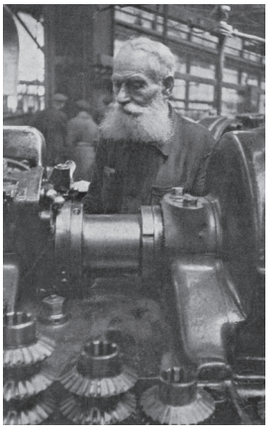
Новогодняя елка и танки на площади 1905 года

над котлом. Пленные достали ложки, конвоиры тоже. Мы понимали, что пленных надо кормить, но все равно открыли рты и затаили дыхание: конвоиры все повернулись к нам спиной, немцы продолжали есть спокойно...

Дом наш, единственный на всей улице пятиэтажный и новый, стоял (и, слава Богу, стоит) в замечательном месте: рязановские особняки, рязановская церковь, тогда фабрика шинельного сукна, великолепная железновская усадьба, Царский мост, чистая Исеть. В реке полоскали белье, речной водой поливали огороды, — в настоящем старом городе, спасительно зеленом: старые приусадебные парки были еще целы. Кроме того, на задах рязановской церкви был огромный пустырь, заросший цветущей и сытной травой. Мы часами паслись в ее зеленой гуще и оттуда, крича разъяренными ртами, выбегали на грохот танковых колонн.

Танки гремели по старой брусчатой мостовой, и мы бежали по гранитным тротуарам, вдоль церковной ограды. Здесь наши детские владения кончались, и отсюда, взобравшись на высокую церковную ограду, мы махали руками, провожая танки на фронт.

Здесь же, на этой площади, мы встречали похоронные процессии, движущиеся от госпиталя к кладбищу. Рядовых и безымянных солдат хоронили без всяких процессий, в рабочем порядке. Одно из таких печальных кладбищ — на задах старого еще Екатеринбургского протестантского кладбища — держалось до конца 60-х годов: никаких могильных холмиков там уже не было, только покосившиеся вешки с темными ржавыми звездами. Тогда мы об этом ничего не знали и хоронили солдат, как говорили по радио, павших в боях за свободу и независимость нашей Родины. Летом нас было больше: тощие, босые, с зелеными руками и ртами, мы молча шагали за неизвестным гробом, и бедные наши шеренги законно являли всеобщую и всенародную скорбь.



Госпитальный квартал (нынешнее здание университета на улице Куйбышева, здание студенческого общежития и техникума) находился сразу за нашими кормящими задворками и был отделен от улицы высоким забором с воротами. За ними — на территории сегодняшнего сквера и детского парка — ходили раненые, которые могли передвигаться сами. Госпитальная зона считалась закрытой, но нас пускали часто, чтобы все солдаты видели, что дети живы и есть за что воевать. Мы стояли в госпитальных дворах — худые, в синих пятнах, в цыпках и заедах — мы держали за руки своих младших сестер и братьев, а раненые смотрели на нас из окон и потом провожали до ворот, и некоторые залезали на забор и махали нам руками.

По документам известно, что в годы войны в Свердловске на одну живую душу приходилось 1,52 квадратных метра жилой площади. В нашей 20-метровой комнате помешалось десять человек. Всего в трехкомнатной квартире — вместе с севастопольцами и ленинградцами — было 18 жильцов. С Иваном Федоровичем — 19. Он не был эвакуированным, он был раненым, оставленным на долечивание, и потому состоял как бы при всех наших семьях сразу...

Дополнительный паек

Гене и Ляле

Когда часы показывали шесть,
Входил мой брат —
Усталый, изможденный,
Протягивал коробочку из жести
И молча в дальний угол отступал,
Чтоб не смотреть голодными глазами
На то, как я проглатываю жадно
Пол-ложки порошкового какао —
Подростка дополнительный паек.
Я самый младший,
Значит, самый слабый,
И мне сестра
От скудной пайки хлебной,
Отщипывая, корочку сухую,
Подсовывала будто невзначай,
А у самой одни глаза остались.
Ему тринадцать.
Ей едва пятнадцать.
Им рано утром снова на работу.
Мой брат — жестянщик третьего разряда.
Сестренка — милосердная сестра.
А за окном военная зима
С угрюмым воем мчалась по сугробам,
Толкалась в двери,
Втискивалась в трубы
Сырых и не протопленных домов,
Холодная железная «буржуйка»
Поблескивала зевом в черной саже.
Льдом покрывалась в чайнике вода.
И брат вздыхал,
Натягивал фуфайку
И уходил на станцию Шарташ,
Чтобы в снегу, спрессованном до камня,
С оглядкой уголька наковырять,
Упавшего вдоль насыпи с вагонов.
Ведь скоро мать объявится с работы
Усталая, иззябшая, худая
И, может быть, в тепле не сразу вспомнит
Не спросит, как обычно, от порога:
— Письмо не приходило от отца?

Герман Иванов

В мае и ноябре 1942 г. в городе прошли две сессии АН СССР. Более того, здесь длительное время размещался Президиум Академии наук СССР[97]. Среди работ, выполненных в годы войны, — технологии производства высококачественных сталей для танковой промышленности и получения качественного моторного топлива из высокосернистой нефти, изготовления высокоэффективных лекарственных средств из класса сульфаниламидов и получения редких элементов, установки для обнаружения затонувших кораблей и т.д.

Кроме академических организаций и учреждений в город прибыли ведомственные и отраслевые научно-исследовательские институты. «Свердловский» период деятельности целого ряда из них вошел в историю не только города и страны, а имел общемировое значение. Так, первый в мире реактивный самолет БИ-1, пилотируемый летчиком-испытателем Г.Я. Бахчиванджи, взлетел 15 мая 1942 г. с испытательного аэродрома НИИ ВВС под Свердловском. В январе 1943 г. на базе аэродрома был создан аэропорт «Кольцово» — первый и в будущем крупнейший воздушный порт на Урале. В годы

Военную подготовку проходили все

Спортсмены — фронту и тылу

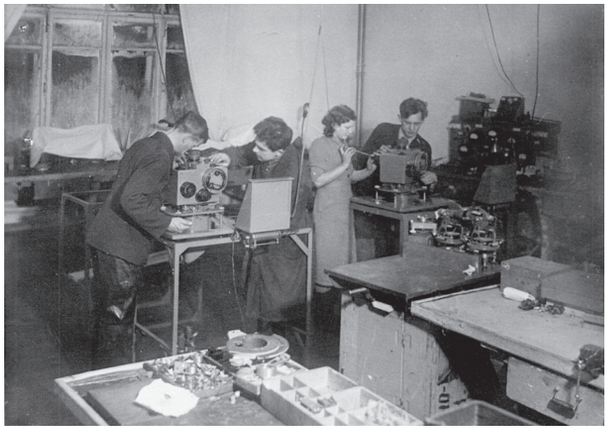
В начале Великой Отечественной войны большинство спортсменов и физкультурных работников добровольцами ушли на фронт. Перед горспорткомитетом была поставлена задача подготовки резерва Красной Армии.

Зимой 1942 г. в Свердловск прибывает эвакуированный Московский центральный институт физической культуры и начинает организовывать работу по лечебной физкультуре в госпиталях, начавших принимать раненых бойцов с фронтов. Около 80% тяжелораненых красноармейцев после лечения были возвращены в строй действующей армии. Это уникальное достижение медицины. Почти каждое воскресенье все спортивные сооружения были заполнены выздоравливающими воинами. На курсах подготовки для фронта готовились лыжники, гранатометчики, специалисты рукопашного боя и воины других специальностей.

В разгар Сталинградской битвы (1943) Совет Обороны СССР поручил Свердловску проведение чемпионата Советского Союза по лыжным гонкам — это было практически невыполнимое поручение. Чемпионат СССР прошел в Парке культуры и отдыха им. Маяковского. Соревнования всесоюзного масштаба в разгар войны показали мировой общественности, что даже в самое тяжелое время спортивная жизнь в Советском Союзе не прекращается.

На старт эстафеты на приз газеты «Уральский рабочий» в 1944 г. вышло более 6 тысяч человек! Во Всесоюзных лыжных и легкоатлетических кроссах от города принимали участие десятки тысяч жителей.

Внесли свой вклад в Победу над немецко-фашистскими захватчиками и борцы-профессионалы. Неоднократный чемпион мира К.К. Вейланд-Шульц внес в «Фонд Победы» свой пояс чемпиона мира, инкрустированный драгоценным металлом и камнями. Пояс был оценен в стоимость танка. И.В. Сталин правительственной телеграммой лично поблагодарил легендарного борца за заботу о судьбе Родины. Другой уральский борец, Ян Цыган, во время войны активно выступал в цирке Свердловска и на причитающиеся ему гонорары приобрел два танка, которые подарил Уральскому танковому корпусу. Спортсмен вел с танкистами активную переписку. Один из экипажей этих танков стал орденоносным.



Лабораторные работы не прекращались и в военное время

Чтобы верным был прицел

В архиве Уральского оптико-механического завода хранится документ, подписанный в феврале 1943 г. — «14 месяцев работы на новом месте. Отчет о работе на Урале завода № 217». Это спрессованный в несколько десятков страниц рассказ с черно-белыми любительскими фотографиями. Отчет был направлен в Народный комиссариат вооружения СССР.

Будучи единственным в стране заводом по выпуску бомбардировочных прицелов, артиллерийских буссолей и топогеодезических приборов, не имеющим дублера, по постановлению Государственного Комитета Обороны был эвакуирован в Свердловск. Эвакуация началась 15 октября 1941 г. Последний эшелон выехал из Москвы 5 ноября и прибыл в наш город 18 ноября. Вся эвакуация проводилась так, чтобы избежать каких-либо перерывов в снабжении фронта необходимой продукцией и обеспечить быстрое наращивание мощностей на новом месте. Был разработан общий календарный график эвакуации и точные эвакозадания по каждому цеху и отделу.

В Свердловске завод разместился в зданиях университета, педагогического института, в недостроенном здании художественного училища (которое завод достроил в три месяца). Все эти помещения были абсолютно неприспособлены для производства.

За 28 дней полной эвакуации были полностью вывезены оборудование, лаборатория, полуфабрикаты, материалы, инструменты, техническая документация, а также библиотека фирмы «Швабе». В Свердловск приехали 10 тыс. рабочих с семьями.

Сегодня ФГУП производственное объединение УОМЗ им. Э.С. Яламова считается одним из ведущих предприятий оборонно-промышленного комплекса России по разработке и производству оптико-электронных приборов военного и гражданского назначения. Фирменным «ноу-хау» завода стала уникальная гиростабилизированная оптико-электронная прицельная система, предназначенная для установки на самолеты, вертолеты и морские суда. Она позволяет получать устойчивое изображение при видео-, фото-, теле-, а также теплосъемке в условиях качки и ударных воздействий. Система применяется для поиска и спасения людей, терпящих бедствие, для охраны государственных границ, патрулирования и борьбы с терроризмом, предупреждения неисправностей и аварий, для поиска и разведки полезных ископаемых.

УОМЗ разрабатывает и производит геодезические приборы, медицинское оборудование, дорожную светотехнику и товары массового спроса.

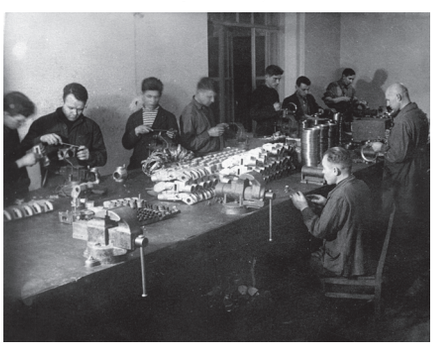
Среди партнеров УОМЗ такие гиганты отечественной оборонной промышленности, как ОАО «ОКБ Сухого», ОАО «КАМОВ», ФНПЦ «Раменское приборостроительное конструкторское бюро», Комсомольское-на-Амуре авиационное производственное объединение, ОАО «Иркутское авиационное производственное объединение», РВПК ОАО «Роствертол», ФНПЦ НПО «Государственный институт прикладной оптики».

В начале 2003 г. УОМЗ первым из предприятий второго уровня комплектации получил право самостоятельной внешнеэкономической деятельности в сфере поставок запасных частей и сервисно-гарантийного обслуживания военной техники.

Второй мировой войны через «Кольцово» совершили перелет 8 тыс. американских бомбардировщиков «Боинг» и истребителей «Аэрокобра». Таким образом, Свердловск стал еще и транзитным пунктом на трассе, поставляющей по ленд-лизу из США в СССР боевые самолеты[98].

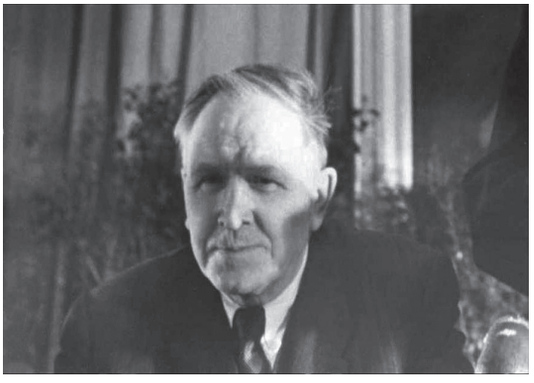
За счет эвакуированных учебных заведений город значительно укрепил свои позиции как вузовская столица Урала. В Свердловске в военное время побывали: Московский государственный университет, Киевская консерватория, Ленинградская лесотехническая академия, Белорусский (Гомельский) лесотехнический, Киевский ветеринарный, Ленинградский горный, Московский торфяной институты и Военно-воздушная академия им. Н.Е. Жуковского. В конце войны в городе было образовано два

Сборочный цех УОМЗ. 1942 г.



новых вуза — Театральный и Вечерний машиностроительный институты[99].

Учреждения культуры и искусства Свердловска в годы войны не только продолжали свою работу, — они активно развивались, расширялась их сеть. В 1943 г. начала производственную деятельность студия художественных фильмов, в павильонах которой в 1944 г. был снят первый на Урале игровой фильм «Сильва». В том же году открылся для посетителей Уральский литературный музей Д.Н. Мамина-Сибиряка; на базе коллективов художественной самодеятельности возник Уральский русский народный хор[100].



И.Н. Бардин, академик АН СССР, основоположник советской металлургии, работавший на Урале

Благотворное влияние на культурную жизнь города оказали эвакуированные сюда крупнейшие театры страны, такие как Малый художественный академический театр и Центральный театр Советской Армии. Свердловск при-

Имени Льва Люльева

На строго засекреченном объекте (завод № 8) в г. Подлипки (нынешний Королев) вкалывали все как проклятые. Никто уже не сомневался, что «акулы империализма» не будут спокойно наблюдать, как растет, мужает, набирает международный вес первое в истории человечества государство рабочих и крестьян. Время в этой ситуации было стратегическим фактором. За короткий срок удалось решить проблему обеспечения Красной Армии и флота новыми мощными противотанковыми пушками и зенитной артиллерией: последняя разработка, созданная в 1939 г. «восьмидесятипятка», по мнению знатоков, имеет полное право стоять в одном ряду с легендарными Т-34, ИЛ-2, «катюшей».

Л.В. Люльев

И тут грянул июнь 1941 года... Необходимо было «спрятать» уникальное предприятие в надежное место, где бы коллектив мог в кратчайшие сроки не только восстановить, но и резко увеличить объемы выпуска крайне нужной фронту продукции. Особых споров о новом месте дислокации завода не было: бурно развивающийся индустриальный Урал в этом смысле имел явные преимущества перед другими регионами.

В сложнейших условиях пришлось налаживать подмосковным переселенцам свое производство в Свердловске, па площадке будущего завода им. Калинина. Не хватало кадров, оборудования, материалов. А командиры стоявших насмерть воинских частей и морских соединений настойчиво требовали дополнительных партий оружия. В это время разработчикам было не до новых вариантов: фронту нужны были простые по конструкции, по высокоэффективные в бою пушки. С данной задачей коллектив справился блестяще: при производстве той же «восьмидесятипятки» удалось вдвое сократить трудозатраты, хотя тактико-техническая характеристика ее осталась прежней. В ту же пору Лев Вениаминович Люльев сконструировал автоматический прицел, который значительно опередил достижения того времени в этой области и в модернизированном виде успешно используется до наших дней.

В завершающий год войны Лев Вениаминович назначается главным конструктором завода. Тогда же в шкатулке с наградами, где у Люльева уже лежали ордена Трудового Красного Знамени, Знак Почета и Красной Звезды, появился самый престижный символ заслуг перед Родиной — орден Ленина.

Но вернемся к «восьмерке». Приказом от 31 декабря 1947 г. министр вооружения СССР Д.Ф. Устинов реорганизовал это подразделение в опытно-конструкторское бюро по проектированию крупнокалиберной зенитной артиллерии и присвоил ему наименование ОКБ-8. Этот день и стал официальной датой рождения «Новатора».

В течение 1948–1954 гг. сухопутные войска страны почти полностью были перевооружены зенитными пушками, которые «отличались уникальными высотностью и скорострельностью».

А в военной технике начиналась другая эпоха. Высота и дальность стрельбы, точность попадания, вес боевого заряда уже считались вчерашним днем у стратегов. Полным ходом и весьма успешно шли испытания атомного оружия, средств доставки его к цели. Конструкторы предприятий Минобороны, военно-промышленного комплекса страны включились в работу по созданию ракетной боевой техники.

нял и бережно хранил экспонаты Херсонесского археологического музея, чудом вывезенные из Севастополя, окруженного неприятелем и подвергавшимся интенсивным бомбардировкам и артиллерийскому обстрелу. В зданиях картинной галереи, антирелигиозного музея и бывшего костела были размещены бесценные сокровища Эрмитажа (1117 экспонатов). В их числе — замечательные собрания итальянской, испанской, голландской, фламандской, французской живописи. Среди эвакуированных шедевров были картины Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Рубенса, Рембрандта, Веласкеса, скульптуры Гудона, Кановы, памятники греческой, римской скульптуры и многих других[101].

Жители города в годы войны проявили свои самые лучшие качества. И это во многом способствовало тому, что в 1941–1945 гг. Урал и Свердловск как *столица «опорного края державы»* успешно выполнили свою

Особо урожайным на радости для сотрудников ОКБ-8 и всех «калининцев» оказался 1964 г.: сухопутные силы Советской Армии приняли на вооружение первенца свердловчан — самоходный зенитно-ракетный комплекс «Круг» (А-4 в терминологии НАТО). От идеи до рождения изделия потребовалось шесть лет напряженного труда инженеров и конструкторов, теоретиков, исследователей и испытателей, рабочих и мастеров опытного производства.

Второе событие: постановлением Среднеуральского совнархоза в ОКБ-8 вливается большой коллектив ОКБ-9 Уралмашзавода с опытными цехами. Команду конструкторов на «заводе заводов» возглавлял Николай Кострулин, ставший одним из заместителей Л. Люльева и курировавший разработку ракет для ВМФ.

Осенью 1966 г. начальников и главных конструкторов пригласили в отраслевые министерства и объявили о том, что всем ОКБ, СКБ и КБ будут присвоены открытые и условные наименования. Прибывшим было предложено самим выбрать названия. Так появились многочисленные «Факелы», «Вымпелы», «Векторы», «Старты»...

— *На другой день после возвращения Льва Вениаминовича Люльева, главного конструктора ОКБ-8, в Свердловск, я оказался у него в кабинете,* — вспоминает Сергей Трофимович Пуховец, проработавший в районных ОКБ без малого полсотни лет. — *Люльев спросил: "Какое имя вы дали бы нашему бюро?!" Я начал что-то бормотать: "Искра", "Авангард"... Главный с сожалением покачал головой и твердо сказал: "Будет "Новатор"! Разве не новые идеи мы разрабатываем? К тому же каждому нашему сотруднику название будет напоминать: дескать, ищи и предлагай к внедрению только оригинальные варианты". Тут он сделал небольшую паузу и, улыбнувшись, опять спросил меня: "Кстати, мой-то вариант с "Новатором" вас устраивает?"*

С тех пор опытно-конструкторское бюро — уникальное государственное предприятие по разработкам ракетного вооружения при Свердловском машиностроительном заводе им. Калинина — в самом коллективе, в Минобороны и среди военспецов называлось не иначе как «Новатор». Об имени же «крестника» знающие люди предпочитали помалкивать.

Объединенный коллектив получил «второе дыхание». В 1967-м начинается проектирование изделия системы противоракетной обороны Москвы. Оно обладает уникальными тактико-техническими характеристиками и является единственным в таком классе ракет, находящихся на вооружении. В середине 1980-х гг. на смену вышеназванному ЗРК «Круг» приходит зенитно-ракетная система (ЗРС) следующего поколения — С-300В.

Что это значило для нашей страны? С созданием этого комплекса Россия достигла радикального превосходства над аналогичным вооружением зарубежных стран, обеспечив эффективную противоракетную оборону. Единственная в мире система такого класса — американский ЗРК «Патриот», который, по мнению специалистов, во многом уступает нашей ЗРС С-300В.

Естественно, в разгар «холодной войны» руководство страны пристально следило за разработкой оружия стратегического назначения. Следило и давало оценку этой работе. Вклад «Новатора» в укрепление обороноспособности советской державы не остался незамеченным: в 1982 г. коллектив награждается орденом Ленина.

Слава, известность «Новатора» росли. В декабре 1997 г. был подписан указ о присвоении ОКБ-8 имени дважды Героя Социалистического Труда Л. Люльева. Сам же конструктор ушел в мир иной двенадцать лет назад...

Мог ли он мечтать о столь высоком признании, оценке своего труда?

Две войны академика Семихатова

Об участии Николая Александровича Семихатова, одного на реальных создателей отечественного ракетно-ядерного щита, и его победах в войне «холодной» известно многое — правда, не все. И гораздо меньше известно о войне «горячей» — Великой Отечественной, которую он прошел командиром огневого взвода, на которой был четырежды ранен и заработал награды, не менее для него ценные, чем высочайшие последующие.

Война первая, «горячая»

На фронт Семихатов ушел добровольцем. После Московского энергетического института был направлен в оборонный НИИ в Барнауле, где сотрудникам предоставлялась бронь. Он, правда, об этом даже не знал — по первому же набору в Сталинскую сибирскую дивизию отправился в военкомат.

— *Тогда, видите ли, были другие представления о патриотизме,* — пояснял академик. — *Отсиживаться в тылу казалось неприличным.*

Академик П.А. Семихатов

Потом были голодные месяцы учебы на артиллериста в Новосибирске и — фронт. Служил он старшим минометной батареи. В 1942 г. воевал под Витебском, Орлом, Смоленском, в начале сорок третьего там и был ранен. После госпиталя попал в элитную гвардейскую дивизию резерва главного командования. Весной сорок четвертого дивизия прорывала линию Маннергейма — мощнейшую систему финских укреплений на Карельском перешейке. Однажды на узкой полоске занятой земли попали в прямом смысле под предательскую бомбежку немцев — навел кто-то из своих.

— *И тем не менее на этом пятачке мы успевали по-своему развлекаться: все же были очень молодые,* — с удовольствием рассказывал Николай Александрович.

Развлечения были, например, такие. Как-то соседи-батарейцы пригласили его с товарищами выпить красного вина, вместо которого угостили трофейным шампунем. Ответ обидчикам последовал чисто артиллерийский. Ночью во время сладкого сна они получили в «подарок» абсолютно безопасный пороховой заряд, издававший адский вой и свист.

— *На войне люди не только воевали,* — не раз повторял Семихатов. — *Кто-то стихи писал, кто-то читал книги. В сорок первом на фронте действительно было очень страшно, с сорок третьего настроение было уже другое, ведь мы повсюду наступали.*

Война «холодная» и наука управлять

Бесспорно, в войне холодной, независимо от того, чем она закончилась, Семихатов навсегда остался в числе победителей. Чтобы понять это, достаточно перечислить его «мирные» награды: Герой Социалистического Труда, кавалер четырех орденов Ленина, Лауреат Ленинской, дважды — Государственной премий СССР. За каждым новым званием — очередная крупная победа на фронте противостояния сверхдержав, новейшая идея, самое крутое, как теперь выражаются, в мире технологическое решение. В научной справке говорится, что он был «специалистом в области теории, методологии проектирования, экспериментальной отработки и изготовления систем управления движущихся объектов, работающих в экстремальных условиях». Конкретные объекты были в основном ракетами, экстремальными условиями — весьма вероятная Третья мировая.

— *В начале 50-х годов появилась идея создания стратегических дублеров на Урале. Вторая мировая война показала, что нельзя сосредоточивать все оборонное производство в центральных регионах страны, в Москве. Я был назначен главным инженером и главным конструктором специального КБ в Свердловске, родоначальника НПО «Автоматика». Перед молодыми организациями была поставлена задача — впервые создать боевые баллистические комплексы морского базирования, и в середине 50-х началась разработка баллистических ракет для вооружения подводного флота. Развитию нашей отрасли был присущ весьма высокий динамизм. Да и Запад дремать не давал. Мы имели представление о том, что делается за границей. Кое-что у нас получалось лучше и даже на несколько лет раньше, чем у американцев.*

...В начале 60-х годов велись ожесточенные споры, надо ли нам развивать вычислительную технику. В головном институте на меня буквально топали ногами, и если бы случился какой-нибудь сбой или авария, судьба моя была бы печальной. Но ничего неприятного не произошло, и мы торжествовали — ведь бортовая вычислительная машина была создана в то время, когда интегральных схем еще не существовало! По общему признанию, в НПО «Автоматика» был самый высокий в отрасли уровень автоматизации всех процессов по созданию и изготовлению систем управления. Мы научились программировать и стали использовать цифровую технику, по крайней мере, на пять лет раньше, чем остальные разработчики систем управления ракетных комплексов.

Но все-таки настоящей революцией в нашей отрасли стало применение интегральных схем. Если говорить о системах управления баллистических ракет, то при использовании в микросхемах самой высокой интеграции они становятся более чувствительными к космическим лучам и воздействию ядерных взрывов, сбиваются и утрачивают свою работоспособность. Сегодня нужно создавать устойчивые к радиационным и магнитным воздействиям системы управления. Перспективы развития нашей отрасли напрямую связаны и с новыми направлениями в материаловедении.

Такие сугубо профессиональные заветы академика специалистам, как видно из последних событий мировой политики, вполне актуальны.

А вот фрагмент его ответа на другой вопрос:

— *Николай Александрович, Вы около 40 лет руководили коллективом в 16 тысяч человек, и делали это блестяще, решали крупнейшие задачи. Как Вам это удавалось и что такое наука управлять?*

— *Ясно одно: управлять как техническими системами, так и коллективом, обществом должны профессионалы. Считаю абсолютно неверной идею Ленина насчет того, что каждая кухарка может управлять государством. В этом смысле мне ближе лозунг Сталина: «Кадры решают все». И эти кадры должны быть квалифицированными.*

Август 2003 г. для Николая Александровича был бы юбилейным — исполнилось 50 лет со дня его первой встречи с НПО «Автоматика». Но...

Сотрудники, ученики и коллеги человека, одержавшего весомые победы в «горячей» и «холодной» войне, встречают дни рождения легендарного конструктора так, будто Семихатов ежедневно на своем посту.

НПО «Автоматика»

геополитическую миссию, обеспечив победу СССР в Великой Отечественной войне в рамках огромного евразийского пространства.

СТУПЕНИ РОСТА

В послевоенный период Уралу в целом и Свердловску в частности отводилась особая роль. Созданный в регионе военно-промышленный комплекс должен был, несмотря на частичную реконверсию, сохранить позиции одного из ведущих арсеналов страны. В соответствии с этой логикой Свердловск очень скоро обретает значение *важнейшего сегмента ракетно-ядерного щита СССР*. В годы «холодной войны» на оборону страны работало практически каждое второе предприятие города, в том числе такие гиганты, как Уральский электромеханический завод, Уралмаш, Машиностроительный завод им. М.И. Калинина, Уралтрансмаш, Уральский приборостроительный завод, Свердловский завод электроавтоматики и другие. К 1980-м гг. объем производства промышленной продукции и услуг на предприятиях ВПК составлял более 20% всего объема промышленного производства города[102].

Промышленный каркас Свердловска по-прежнему составляли машиностроение и металлообработка. Достаточно сказать, что здесь было занято 62% всех промышленных рабочих города. Вместе с тем в конце 1950-х — 1960-е гг., когда руководством страны был взят курс на ускорение научно-технического прогресса и увеличение производства товаров народного потребления, хозяйственный комплекс Свердловска претерпел некоторые изменения. Стали возводиться предприятия, чья продукция в основном ориентирована на потребительский рынок: камвольный и жировой комбинаты, трикотажная и кондитерская фабрики, заводы керамических и гипсовых изделий, крупнопанельного домостроения.

Ядерный щит Родины – во многом заслуга индустриального Екатеринбурга

Произошли заметные положительные сдвиги в социальной сфере. Активно развивался городской пассажирский транспорт, велось широкомасштабное жилищное строительство. По объему перевозок свердловский трамвай занимал третье место в РСФСР после Москвы и Ленинграда[103]. Вновь созданная мощная строительная индустрия обеспечила стремительный рост города вширь. Новые крупные жилые районы появились в юго-западной части города, вокруг Эльмаша и Уралмаша, в Пионерском поселке, на Вторчермете. К 245-летнему юбилею Свердловск уже освоился со своей новой ролью города-миллионера: его миллионный житель родился еще в 1967 г., 23 января[104].

Перекресток проспекта Ленина и улицы Допризывников. 50-е гг. XX в.

Город продолжал укреплять свое положение «ворот» из Европы в Азию и из Азии в Европу. В 1954 г. вошли в строй действующих аэровокзал и гостиница на 100 мест в аэропорту «Кольцово». Со сдачей в эксплуатацию в 1987 г. новой взлетно-посадочной полосы здесь могли совершать посадку все типы самолетов, благодаря чему с середины 1990-х гг. аэропорт «Кольцово», связывающий Екатеринбург–Свердловск со 120 городами России, не только приобрел статус аэропорта федерального значения, но и превратился в третий по объему международных перевозок воздушный порт страны.

В результате проведенной в 1946 г. реструктуризации на железнодорожном транспорте Свердловск стал пультом управления Свердловской железной дороги в составе шести отделений, в том числе и собственно Свердловского. Одновременно Свердловский железнодорожный узел подвергся коренной реконструкции, был полностью обновлен парк паровозов и вагонов, продолжилась электрификация дороги. К концу 1980-х гг. Свердловская железная дорога

Дружба

На углу улиц Чапаева и Большакова, в прошлом — Архиерейской и Болотной — стоит небольшой деревянный дом. Бажовский дом... Он славился своим гостеприимством, двери его всегда были открыты для людей. Здесь бывали не только писатели, но и люди самых разных профессий — уральские металлурги, московские журналисты, китайские студенты... Всех притягивала душевная щедрость Павла Петровича Бажова.

Здесь бывал и легендарный полководец Георгий Константинович Жуков. В годы, когда он, опальный маршал, командовал войсками Уральского военного округа. Оба они — и Бажов, и Жуков — стали тогда депутатами Верховного Совета СССР.

Вот тут-то и свела судьба великого полководца и известного уральского писателя, двух людей как будто совсем разных, но в то же время чем-то схожих между собой. Они одновременно потянулись друг к другу, и стало привычным видеть их вместе: на праздничной трибуне городской площади, на торжественных заседаниях, на партийных конференциях. Оба они выделялись особой одухотворенной красотой. Они наклонялись друг к другу, тихо переговаривались, улыбались...

Дружба их крепла. Георгий Константинович стал самым желанным гостем Бажовых. Иногда поздним вечером, возвращаясь из отдаленных гарнизонов, Жуков подворачивал на огонек к бажовскому дому.

Однажды, когда Павел Петрович только что вернулся из своего избирательного округа, к нему зашел писатель В. Стариков. Едва они выпили по чашке чая, как раздался звонок в дверь и радостно-взволнованный голос Валентины Александровны, жены писателя, сообщил: «Георгий Константинович приехал!»

Павел Петрович, просиявший и как будто помолодевший, мягко ступая ногами, обутыми в валенки, поспешил в переднюю, где Георгий Константинович уже снимал шинель.

— *Еду мимо,* — заговорил он густым голосом, — *вижу: окна светятся. Ну и осмелился заглянуть, осведомиться, как себя чувствуете после поездки. Не помешал?*

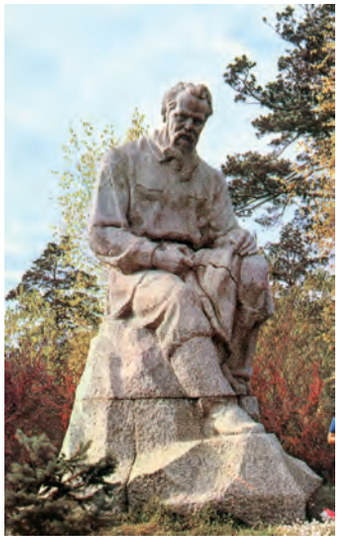
Войдя в комнату, окинул взглядом стол, прищурился и сказал по-домашнему:

— *Доброе дело... Может, и рюмочка найдется с морозу?*

Выпил и стал расспрашивать Павла Петровича, как прошли его встречи с избирателями в Красноуфимске. В свою очередь, и Павел Петрович поинтересовался впечатлениями Георгия Константиновича от его депутатской поездки в Ирбит.

Памятник Г.К. Жукову у штаба ПУрВО

— *С военными людьми привык общаться,* — медленно заговорил Жуков. — *А тут вплотную с рабочими, колхозниками. Обязательно встречались бывшие солдаты, с которыми на разных фронтах вместе бывали.* — Он помолчал. — *Много инвалидов, много... А солдатских вдов... Войной пахнуло, народным горем, будто вчера это было.*



Памятник П.П. Бажову на Ивановском кладбище

Знал, что большие потери мы понесли. Но это разумом, а вот сердцем сейчас как-то особенно почувствовал.

Когда Жуков распрощался и уехал, Павел Петрович задумался, закурил свою трубку, вздохнул.

— Эпическая фигура... — только и сказал он.

К сожалению, не суждено было много встречаться этим близким по духу людям. В конце лета 1950 г. Павел Петрович заболел. Был поставлен страшный диагноз и принято решение отправить его в Москву. Павел Петрович не хотел этой поездки, не хотел уезжать из родного дома, будто чувствовал, что расстается с ним навсегда... Потом была кремлевская больница... Но чудес не бывает, и 3 декабря 1950 г. Павел Петрович скончался.

В Москве состоялись прощание и гражданская панихида, а в Свердловске гроб с телом покойного был установлен в концертном зале филармонии. В лютый мороз и свердловчане, и приезжие стояли на улице, чтобы проститься с любимым писателем. Распахнулись двери... Руководители области, близкие друзья и среди них маршал Г.К. Жуков вынесли гроб с телом Павла Петровича Бажова.

Тысячи людей шли за гробом... Траурная процессия растянулась почти во всю длину улицы Ленина. И вместе со всеми провожал в последний путь своего друга Георгий Константинович.

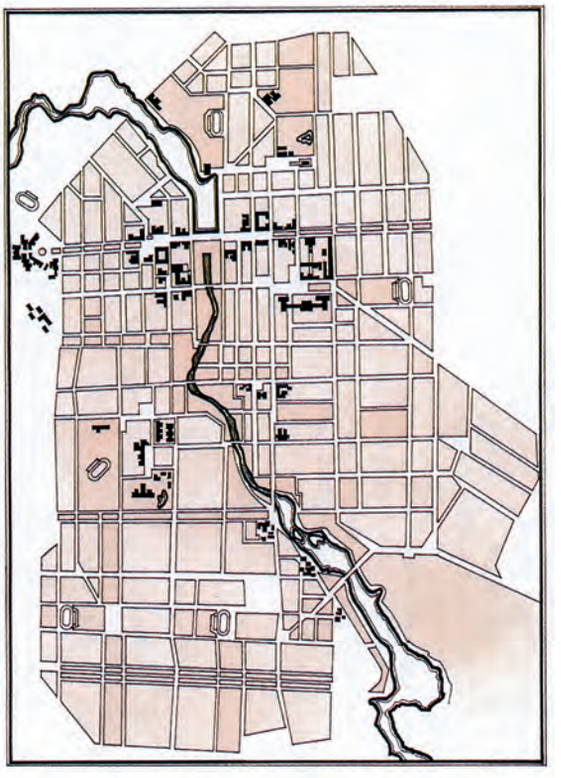
Но судьба распорядилась так, что друзья, Бажов и Жуков, не расстались и после смерти. Теперь они снова рядом — памятник полководцу и барельеф писателя на скрещении двух улиц — Бажова и проспекта Ленина, у самого штаба округа.

И кажется, что Георгий Константинович прискакал на боевом коне к своему другу... И еще говорят в народе, ночами здесь расцветает волшебный Каменный цветок. Только не всем дано его видеть...

прошла по территории шести областей, одной республики и двух автономных округов РСФСР, полностью обслуживая потребности народного хозяйства и населения Пермской, Свердловской и Тюменской областей, а к концу 1980-х гг. заняла второе место среди железных дорог России по погрузке грузов и грузообороту и третье — по пассажирообороту[105].

Послевоенные годы отмечены созданием в Свердловске — признанной вузовской столице Урала — новых институтов: инженеров железнодорожного транспорта, народного хозяйства, архитектурного, инженерно-педагогического.

К 1970 г. в городе функционировало 14 вузов, где обучалось свыше 85 тыс. студентов. Дальнейшее развитие получила академическая и отраслевая наука. К началу 1970-х гг. в Свердловске работало более 100 НИИ и конструкторских бюро, а в 1971 г. Уральский филиал АН СССР был преобразован в Уральский научный центр АН СССР. Тем самым Свердловск не только признавался комплексным научным центром, но и значительно повышался статус уральской академической науки.



Генплан «Большой Свердловск»

XX ВЕК В АРХИТЕКТУРЕ ГОРОДА

В 1923 г. Екатеринбург стал центром огромной Уральской области. Уездный город с размеренным патриархальным укладом стремительно превращался в промышленный центр — зримое воплощение социалистических идей и утопий. Идеи глобального социального эксперимента легко ложились на идеи левого авангарда в искусстве России начала XX столетия, где «революция уже началась».

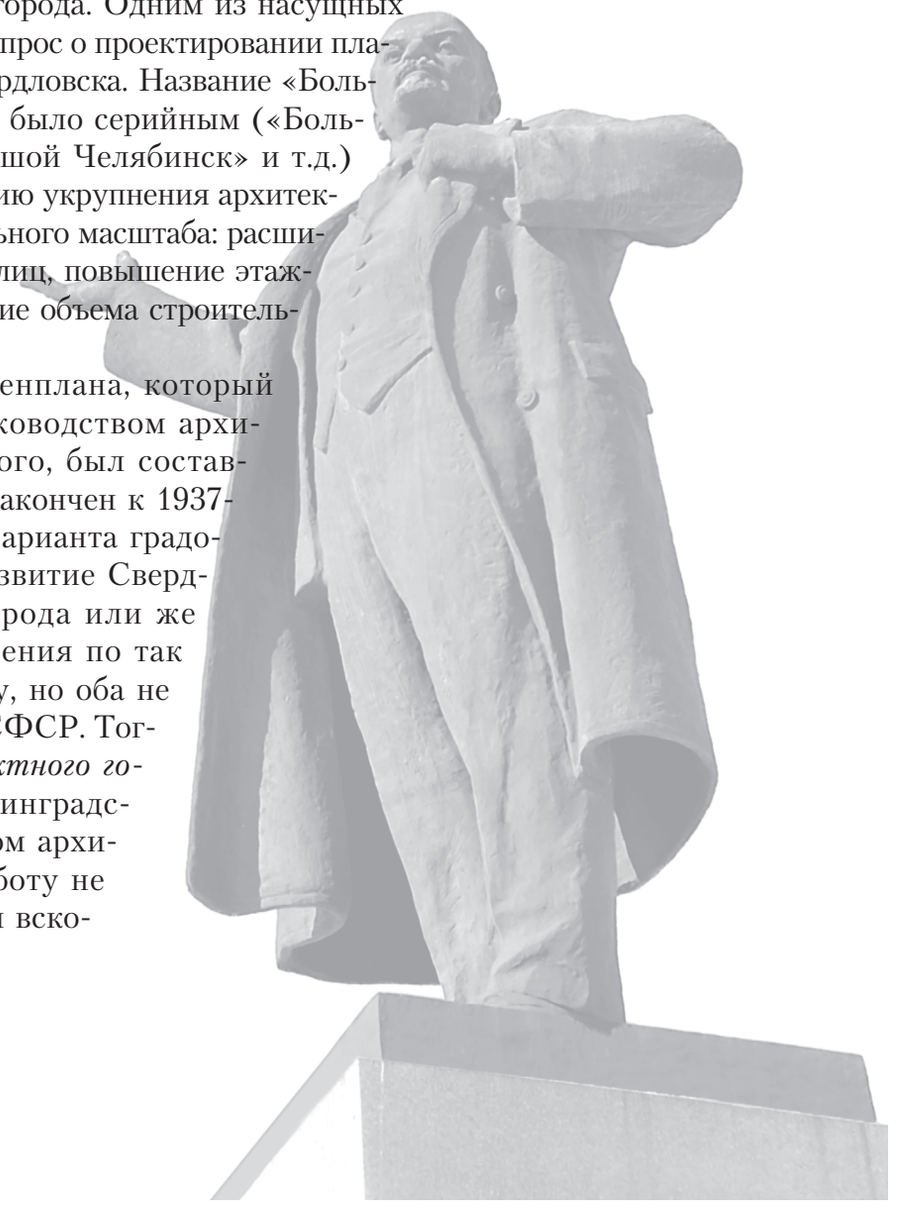
Центр города. Гостиница «Исеть». 50-е гг. XX в.

Естественно, что Свердловск наравне с Москвой и Ленинградом активно вовлекается в сферу экспери-

ментов левого архитектурного авангарда, получившего в 1920–1930-е гг. государственную поддержку. При этом город снова выходит на острие мирового архитектурного процесса, где «пионеры» советской архитектуры на практике оттачивают новые рационалистические концепции жизнеустройства, его нового архитектурного языка. Система всесоюзных архитектурных конкурсов на проектирование крупных зданий и комплексов привлекает лидеров советского конструктивизма, таких как М.Я. Гинзбург, Я.А. Корнфельд, Д.Ф. Фридман, И.А. Фомин, А.Л. Пастернак. В то же время ярко раскрывается творчество уральских архитекторов С.В. Домбровского, Г.А. Голубева, В.Д. Соколова, П.И. Антонова, Г.П. Валенкова, Е.Н. Короткова, М.Я. Рейшера и др.

Размах промышленного и гражданского строительства не укладывался в рамки старого генплана города. Одним из насущных вопросов стал вопрос о проектировании плана Большого Свердловска. Название «Большой Свердловск» было серийным («Большой Урал», «Большой Челябинск» и т.д.) и отражало тенденцию укрупнения архитектурно-градостроительного масштаба: расширение пространства улиц, повышение этажности домов, увеличение объема строительных работ.

Черновой вариант генплана, который разрабатывался под руководством архитектора С.В. Домбровского, был составлен к 1930 г. и «набело» закончен к 1937-му. Рассматривались два варианта градостроительной стратегии: развитие Свердловска как компактного города или же города со структурой расселения по так называемому групповому типу, но оба не были приняты в Наркомхозе РСФСР. Тогда составление варианта *компактного города* было поручено группе ленинградского ГИПроГора под руководством архитектора В.П. Яковлева. Но эту работу не удалось закончить из-за начавшейся вскоре войны.



Памятник В.И. Ленину на площади 1905 года — неизменный атрибут города эпохи социализма. Скульптор В.И. Ингал

Фрейлина царского двора и УПИ

Неожиданные повороты судьбы могут произойти с человеком в любом возрасте. Какой жизнестойкостью и силой духа должна была обладать Ольга Михайловна Веселкина, бывшая дворянка и блестящая фрейлина царского двора, чтобы на 60-м году жизни стать ведущим на Урале специалистом по мировой литературе и основать кафедру иностранных языков в Индустриальном институте (УПИ)!

Ольга Михайловна Веселкина родилась и 1873 г. Ее мать была и родстве с поэтом М.Ю. Лермонтовым, и позже, находясь на Урале в ссылке, сохранила и передала в дар Советскому государству некоторые семейные реликвии, связанные с именем великого русского поэта. Самой ценной из них был портрет Лермонтова кисти художника Ф.О. Будкина, написанный по заказу Л. Столыпина, родного брата бабушки поэта Е.А. Арсеньевой. Это был не первый дар фрейлины России. Еще в годы революции она обнаружила у престарелой дочери Пушкина, Марии Александровны Гартунг, некоторые рукописи Лермонтова, которые удалось сохранить. Ныне они находятся в Российской государственной библиотеке (бывшей «Ленинке»).

Художник М.В. Нестеров. Портрет О.М. Веселкиной

Жизнь О.М. Веселкиной тесно переплелась с жизнью классиков русской литературы. Часто она бывала в Хамовниках, в гостях у дочерей Л. Толстого. Любил с ней беседовать и сам Лев Николаевич. В Александровском же институте благородных девиц, где Ольга Михайловна после смерти матери стала начальницей, попечителем был генерал Александр Александрович Пушкин, сын гениального поэта. Часто гостила она и в Муранове (ныне мемориальный музей-усадьба Тютчева–Баратынского), дружила с внуками Тютчева. Позже, 23 июля 1938 г., из этой усадьбы в Свердловск пришло письмо: *«Глубокоуважаемая Ольга Михайловна! Екатерина Петровна и я поздравляем Вас с наступающим днем Вашего ангела, шлем Вам наши пожелания здоровья, благополучия и много хороших вещей, в коих каждый из нас в жизни нуждается. Я еще жив Мурановым, но есть и не мурановское. Восемь же чудных дней, что я побыл с Вами, — хорошие, незабываемые дни... Здесь жара и все иное, чем у Вас в деревне. Работаю кое-что, но на душе не очень сладко... Искренне преданный Вам М. Нестеров»*. Дело в том, что великий русский художник Михаил Нестеров мечтал написать ее портрет, портрет «любимой собеседницы и оригинального человека». Он начал создавать эскиз к портрету в своей квартире на Сивцевом вражке в Москве, восклицая: «Ах, какие у нее выразительные глаза!» И вот в чужом городе, без друзей и знакомых, в 51 год ей предстояло начать жизнь с чистого листа, так как она была представителем «старого режима». Но это не помешало Ольге Михайловне посвятить свою жизнь новой стране. Именно она обучала основам иностранного языка будущих разведчиков-переводчиков, самым известным из которых впоследствии стал Николай Кузнецов. В годы войны ей приходилось готовить специалистов по немецкому языку для оборонной работы. Указом Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. «за выдающийся вклад в дело подготовки специалистов для народного хозяйства» ей был присужден орден Трудового Красного знамени. 9 мая 1945 г. на митинге, посвященном победе в Великой Отечественной войне, она сказала: *«Мы победили, я горжусь тем, что я русская и живу вместе со своим народом»*.

О.М. Веселкина была женщиной высокой культуры, острого ума, редкой доброты и удивительного трудолюбия. Когда профессор Веселкина входила в столовую для преподавателей, то все, независимо от возраста и ученого звания, вставали и не садились, пока она не занимала свое место. И никто из студентов не считал зазорным для себя помочь Ольге Михайловне сменить обувь или посадить ее в повозку. Дело в том, что она была женщиной грузной, не входила ни в одну машину, и поэтому руководство института наняло специально для профессора Веселкиной лошадь с извозчиком.

Закончим наш рассказ об Ольге Михайловне Веселкиной словами профессора С.А. Никитина: *«...Это большой человек, обладающий сердцем матери, умом государственного деятеля и обаянием женщины. Такие люди бывают один на десять тысяч, не чаще!»*

Вся жизнь — с Политехническим

Есть имена, без которых история Уральского политехнического не мыслится. Николай Сергеевич Сиунов из их числа. Именно ему суждено было стать одним из первых студентов первого советского высшего учебного заведения на Урале, одним из первых специалистов в области электротехники.

Николай Сергеевич Сиунов родился в 1903 г. Через 17 лет закончил Ирбитскую среднюю школу и осенью 1920 г. попал в первый набор студентов Уральского университета. С тех пор вся его жизнь была связана с Уральским политехническим, входившим в состав УрГУ.

Н.С. Сиунов, ректор УПИ

Полученные на институтской скамье знания приходилось сразу же применять на практике. После занятий он работал электромонтером в учебных лабораториях, на третьем курсе был зачислен препаратором электромеханической лаборатории, а с 1926 г. уже сам читал лекции по курсу электротехники.

В это время начинается создание комплекса учебных зданий Политехнического института. И здесь Николай Сиунов в первых рядах. Именно он изображен на одной из первых фотографий стройки института. Позже Николай Сергеевич не забудет трудовой почин, и при нем уже как при ректоре начнется большое институтское строительство.

В 1932 г. Н.С. Сиунов становится деканом энергетического факультета. В 1941 г. он как особо ценный специалист остается в тылу. В то военное время его даже пытались переманить работать над оборонным заказом в военно-воздушную академию им. Жуковского. В 1945 г. под эгидой этой академии вышел учебник Н.С. Сиунова «Электротехника». Интересный факт: учебник печатали на станках, установленных в знаменитом доме Ипатьева, особняке, где в 1918 г. была расстреляна семья последнего российского императора. В годы войны Сиунов защитил докторскую диссертацию (1942 г.) и получил степень доктора технических наук (1943 г.)

После войны начинается его подъем по служебной лестнице. В 1947 г. он проректор по учебной и научной ра-

боте, а в 1955 г. уже ректор УПИ. За 11 лет, в течение которых он руководил институтом, было сделано очень много. Именно и этот период был создан памятник студентам и преподавателям института, погибшим и годы Великой Отечественной войны. В 1956 г. был сдан новый учебный корпус физико-технического факультета, в начале 1960-х гг. началось строительство спортивного манежа УПИ. А здание радиотехнического факультета построили в такие короткие сроки, что этим были поражены даже специалисты из министерства. В эти же годы на территории студенческого городка было возведено еще шесть зданий университета.

Площадь им. Кирова — это тоже детище Николая Сергеевича Сиунова. Именно он добился того, чтобы был реализован проект архитектора В. Шауфлера и площадь превратилась в настоящее произведение садово-паркового искусства. Сейчас это любимое место отдыха студентов. Здесь проводятся основные концерты фестиваля «Весна УПИ», одним из вдохновителей которого был первый послевоенный ректор.

Не забывал он и о своей кафедре. *«Николай Сергеевич так руководил аспирантами, что нам казалось, что мы самостоятельно работали над диссертациями... Пока мы живы, каждый член кафедры с благодарностью будет помнить своего учителя и воспитателя»*, — писал в своих воспоминаниях доцент кафедры электрических машин Б.К. Гаврилов.

Личное дело Николая Сергеевича — самое объемное среди фондов музейного архива. Он сам и его родственники передали в музей несколько сотен фотографий и документов по истории университета начиная с 1920 г. и вплоть до 1970-х гг. Благодаря Николаю Сергеевичу в экспозиции можно увидеть первые зачетные книжки, фотографии времен строительства УПИ, военные кадры, любительские материалы, которые уже сейчас составляют золотой фонд истории университета. Жизнь Н.С. Сиунова стала отражением истории страны. Здесь фотографии Кремлевского дворца, портреты Хрущева, маршала Жукова, с которыми Николай Сергеевич общался, будучи депутатом Верховного Совета СССР в 1950–1960-х гг. Мало того, музей истории УПИ был создан именно при Николае Сергеевиче — в 1964 г.

Однажды Николай Сергеевич произнес: *«Иногда меня спрашивают, сколько лет я работаю в институте. Самый простой ответ — всю жизнь. На моих глазах институт вырос в один из крупнейших вузов страны и мира»*.

Свердловские приключения лицейской библиотеки

В 1920 г. в Екатеринбург из Петрограда дети знаменитого русского металлурга В.Е. Грум-Гржимайло доставили огромное количество деревянных ящиков, которые на подводах перевезли в полуподвальные помещения Горного института, что на улице Куйбышева. В них находилось более 80 тысяч книг, которые по личному указанию В.И. Ленина были переправлены в город для организации Уральского государственного университета. Среди редчайших томов на разных языках были книги по всемирной истории, юриспруденции, географии, художественная литература, французские миниатюры размером 3 на 5 сантиметров и огромные фолианты в замшевых переплетах с прекрасными гравюрами величиной 1 метр на 80 сантиметров. Все они были «экспроприированы» из петербургских дворцов Демидовых, Голицыных, Строгановых. Но большую часть «екатеринбургской посылки» составляли книги из библиотеки Царскосельского лицея. Так, с 1920 г. редчайшие издания стали жить в Горном институте и в здании бывшего Русско-Азиатского банка на улице Малышева, пока в конце 1937 г. в город не приехал «представитель одной из московских организаций», который якобы по распоряжению Министерства народного образования должен был изъять данную литературу из города. Ничего не подозревающие библиотекари составили списки, упаковали книги в ящики, и лицейскую библиотеку так бы и увезли в неизвестном направлении, если бы не А.М. Никифорова, заведовавшая библиотекой Уральского индустриального института (УПИ) с января 1938 г. К моменту ее первого выхода на работу ящики с литературой уже перевезли на вокзал. Заподозрив неладное, новая заведующая библиотекой связалась с обкомом и министерством, где ей и сообщили, что никакого «уполномоченного» в Свердловск не посылали. Тогда в срочном порядке на вокзал отправились сотрудники городской милиции, представители советской власти и работники Уральского индустриального института. Потребовались огромные усилия для розыска «цепного багажа», но человека, который этим руководил, так и не нашли. Лицейские книги снова прописались в городе.

В это же самое время в Свердловске шло строительство главного корпуса УПИ. В центральной части здания, с восточной стороны, стали строить так называемый *библиотечный корпус*, читальный зал которого архитектор К.Т. Бабыкин спроектировал специально для размещения царскосельской библиотеки — за что его между собою стали называть «Царскосельским». В центре зала установили гипсовый бюст поэта А.С. Пушкина, который, кстати, в 1970-х гг. во время одного из ремонтов исчез в неизвестном направлении. До 1970-х гг. библиотека лицея находилась в главном корпусе УПИ. Именно в этом зале с редчайшими изданиями лицейского собрания занимались в годы войны такие известные люди, как президент Академии наук А.П. Карпинский, писатели Александр Серафимович, Мариэтта Шагинян, Агния Барто, Лев Кассиль и другие. В 1970-х гг. книги лицейской библиотеки были распределены между музеем книги Уральского государственного университета и музеем «Пушкинский лицей»; часть книг оказалась в Свердловском юридическом институте. В экспозиции музея УПИ из того 30-тысячного собрания остался большой энциклопедический справочник, изданный в Париже в конце XIX в.

Когда-то А.С. Пушкин написал: «...отечество нам — Царское Село». Для царскосельской библиотеки таким отечеством на долгие годы стал Свердловск.

«Царскосельский» читальный зал библиотеки УПИ

Где-то в этом месте в Исеть впадала речка Мельковка...

Мельковская слобода

Один из самых, вне всякого сомнения, широко известных писателей нашего города — его уроженец и потомственный житель **Николай Григорьевич Никонов** —широко известен не только своей прозой — повестями, рассказами, публицистическими поэмами, романами, но и преданной сыновней любовью к своей «малой» родине — старой части города, что звалась *Мельковской слободой* и под названием слободы Основинской вошла в знакомую сотням тысяч читателей книгу Н. Никонова «Солнышко в березах».

«Исчезнувшая ныне слобода Мельковка была моей журавлиной родиной. Наверное, если б можно было выбирать место рождения, то я не пожелал бы родиться в каком-либо ином, чем здесь, на уральской земле, в той части славного града Екатеринбурга—Свердловска, которая и по всем историческим и прочим изысканиям была его основой. Основинская улица (ныне Испанских рабочих), идущая от подножия Вознесенской горы, мимо «Космоса» и далее в сторону вокзала, по-видимому, была местом, где жили первопоселенцы на реке Исети,строители плотины, первых заводов, набережных, городских домов и вообще всего, что составило главную и самую старую часть города. Улицу Основинскую пересекало пять улиц Мельковок (по названию речки), и та, что была на ее берегу, обозначалась как Мельковка-набережная. Именно здесь, в исчезнувшем теперь доме под номером пять, а позднее, когда улицу пышно переименовали в переулок Спорта, под номером двадцать, находился уютный дом с беленым кирпичным полуподвальным этажом, в котором и прожил я с годовалого возраста до тридцати четырех лет.

Все мельковские улицы не избежали переименования, так, году в тридцать седьмом были переназваны и прекращены 1-я Мельковка и улицу Физкультурников, 2-я — в улицу Лермонтова, 3-я — в улицу Быкова и 4-я — в улицу Азина, древнейшая же и единственная мощенная

Параллельно с составлением генплана в городе шло интенсивное строительство. Образовавшиеся жилищно-строительные кооперативы (к 1928 г. их было 16) возводили по заказу предприятий и учреждений компактные поселки (Октябрьский, Красная звезда, Красная кровля, Новый и др.) на северных окраинах города. Поселки состояли в основном из рубленых деревянных домов, коттеджей и домов барачного типа. Они имели регулярную планировку, но не обладали тем уровнем благоустройства и системой культурно-бытового обслуживания, как так называемы соцгорода.

Первым из соцгородов в 1928 г. начал строиться Уралмаш. Отработанные в процессе этого строительства приемы и

булыжником Основинская, как уже было сказано, превратилась в улицу Испанских рабочих. Не знаю, имела ли она отношение к Испании, так же как Мельковка к Лермонтову, но от переименования мало что изменилось, а полудеревенская суть слободы сохранялась почти до шестидесятых годов, и лишь со строительством «Космоса» живописным улицам пришел конец...

Я еще помню, что на месте «Космоса» был широкий заливной луг, под ветром серебрилась осока, скрипели коростели и летали фиолетовые стрекозы-дриады. То залитая солнцем, то замытая дождями, вся в зелени столетних, склоненных к югу, тополей, в рябинах, в сирени и в черемухах Мельковка была столь красива, что сюда постоянно забредали художники, и много раз сопел я за чьей-то сутулой спиной в линялой рубахе, с восторгом наблюдая, как на невеликом пространстве картона или холста рождается, словно бы по волшебству, под движением волшебной палочки-кисти ясный и милый мне кроткий мир моих улиц, крыш, заборов, осветительных столбов, близкого неба и недальних далей. Как я любил свою слободу, как любил постоянно видный, выше ее, город, — наверное, так любят только самое родное: мать, отца, своих детей, своих домашних животных — собаку, кота.

Полагаю, что эта детская горячая любовь и дала мне первичные импульсы неосознанного созидательного напряжения, которое накапливается в душе, позднее искало выхода и находило его в попытках творчества.

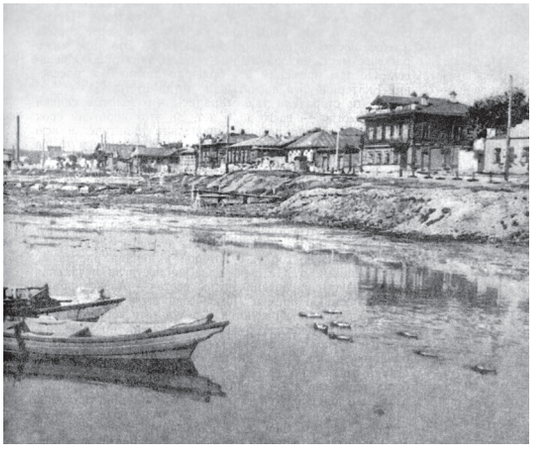
Если будет позволительно назвать себя словом художник, то понятие сути его не может родиться на пустом месте.

методы были использованы затем в возведении Эльмаша, Химмаша и Вторчермета. Строительство Эльмаша было начато в 1932 г., но завершено только в послевоенное время. На Вторчермете строительные работы развернулись немного раньше — в 1929 г. Свое название соцгород получил от завода, обосновавшегося здесь в 1942 г. Место для Химмаша также определилось в конце двадцатых, но в связи с неоднократными остановками строительства соцгород окончательно сложился лишь в пятидесятых годах. Строительство гигантов советской индустрии со всей сопутствующей инфраструктурой значительно расширило дорожно-уличную сеть города, в которой роль ориентиров стали играть главные улицы соцгородов, сходящиеся на предзаводских площадях. В определившуюся градостроительную схему органично вписался Втузгородок, заложенный на территории, где еще в досоветский период было начато строительство комплекса Горного института.

Таким образом, в 1930-е гг. территориальный рост Свердловска происходил по схеме большого *группового* города, состоявшего из ряда поселений (соцгородков) на своих производственных базах, связанных между собой и размещенных вокруг исторического центра. Между тем, сам исторический центр в соответствии с планом «Большой Свердловск» подвергся тотальной реконструкции. Утрачивали или меняли свое назначение торговые площади, как следствие государственного атеизма сносились храмы, ликвидировалась усадебная застройка.

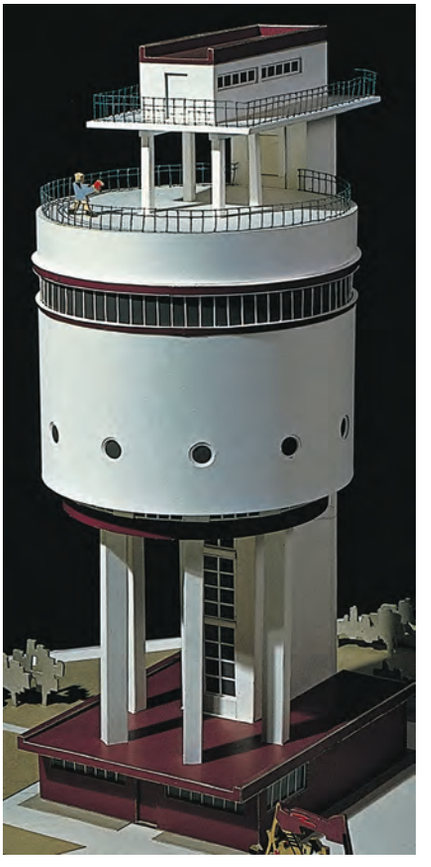
Вдоль проспекта Ленина (бывший Главный) формировалась новая система площадей. Наиболее интенсивно перестраивались две самые крупные площади — Торговая с примыкающей к ней Площадью 1905 года

...а такой она была до своей «подземной» жизни



(бывшей Кафедральной) и площадь Двух театров (бывшая Дровяная), — то есть старый и новый центры города.

В 1925 г. план реконструкции предусматривал не только расширение пространства Торговой площади, но и увеличение этажности зданий, а также гораздо более усложненную схему их размещения на основе симметрии. Планировалось закончить строительство нового гостиного двора и товарной биржи. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. здесь возводится ряд крупных административно-финансовых и торговых зданий. Возможно, поэтому старая Торговая площадь с окружающими ее улицами сохранила за собой статус делового центра города, несмотря на то, что планом «Большой Свердловск» главной провозглашалась площадь Двух театров. Функциональное значение последней определяли новые административно-культурные сооружения и формирующая ее застройка 1930-х гг. — Дом промышленности, гостиница «Большой Урал», Синтетический театр, Дом печати, «городок чекистов», Клуб строителей.



«Белая башня». Архитектор М.В. Рейшер. 1929 г. Макет

Особенно интенсивно городской центр реконструировался после двух правительственных постановлений о застройке Свердловска и выступления газеты «Правда» со статьей «Столица Урала должна быть образцовым городом».

Свердловск мыслился городом будущего. С размахом возводились комплексы Втузгородка и городской больницы, ограничивающие проспект Ленина с востока и запада. И было во многом символичным, что площади, связанные со зданиями этих комплексов, имели отношение к двум важнейшим пунктам социальной программы нового государства — образованию и здравоохранению.

Улица 8 Марта в 30-е гг. XX в.

Не случайным, думается, был и выбор места городского центра — площади Труда (бывшая Екатерининская площадь), с облисполкомом и Домом

связи. Когда-то, в XVIII в., здесь был расквартирован Тобольский полк, располагались Екатерининская полковая церковь, здание казенных почт, восточная городская застава, — то есть сосредоточено «государственное начало» в городе.

Застройка тридцатых годов буквально захватывала пустующие торговые площади: на Сенной был возведен жилой комплекс 3-го дома горсовета, на Хлебной — разбит дендропарк, на Коковинской — Центральный рынок. Другой характерной чертой времени стало комплексное строительство на месте снесенных усадеб. Так, возводились: 4-й дом горсовета (пр. Ленина, 5. 1929 г. Архитектор С.В. Домбровский); Дом Уралоблсовета (Малышева, 21. 1930–1933 гг. Архитекторы М.Я. Гинзбург, А.Л. Пастернак, инженер С.П. Прохоров); Жилкомбинат НКВД (8 Марта, 2. 1930-е гг. Архитекторы П.И. Антонов, В.Д. Соколов), жилой комплекс Дома Госпромурала (Ленина 52–54. 1931–1938 гг. Архитекторы Е.Н. Коротков, Г.П. Валенков).

В реконструкции городского центра и в новой застройке нашла своеобразное применение популярная тогда в мировом градостроительстве идея города-сада. Во вновь возводимых соцгородах и поселках жилая застройка регулярно чередовалась с озеленением.

«Вождю народа» портрет «вышивали» живыми цветами. В парке им. Маяковского. Конец 1940-х гг.

Шарташский дом отдыха. Экскурсии на Каменные палатки. Август 1940 г.

Планом «Большой Свердловск» предполагалось превращение поймы реки Исеть в систему садов и парков. При этом зеленые массивы как бы «включались» в ткань города. В центре города с недостаточным озеленением новые жилые комплексы должны были быть дополнены дворами (садами) — местом коллективного отдыха. Открывался широкий доступ в сады бывших частных усадеб, где строились открытые театры и танцплощадки.

Помимо новаций важнейшим в градостроительной практике того времени оставалось использование традиций, в частности богатого опыта дореволюционных архитектурных конкурсов. Не случайно свердловчане участвовали в таком крупнейшем событии архитектурной жизни страны, как конкурс на проект Дворца Советов в Москве.

Творческая атмосфера тех лет обусловила зарождение местной архитектурной школы,

Город его судьбы

Об известном писателе ***Вадиме Кузьмиче Очеретине*** *вспоминает его жена Ида Власьевна.*

«У каждого человека есть самый-самый любимый город.

Много, очень много в нашей большом стране хороших городов. Есть и самые лучшие, и самые красивые. Но самый любимый — у каждого свой.

Для меня это — уральский город Свердловск».

Это — признание Вадима Очеретина городу, который живет в каждой книге писателя, в каждой странице его биографии. Очеретин и на войне служил автоматчиком танкового десанта и Свердловской бригаде Уральского добровольческого танкового корпуса.

А любовь, признательность началась с ВИЗа. Завод выручил 18-летнего Вадима в трудную пору, когда он в 1939 г., после ареста родителей, приехал из Иркутска в Свердловск поступать в КИЖ — коммунистический институт журналистики. Не поступил, и надо было как-то устраиваться, на что-то жить. Пришел за помощью в обком комсомола и получил направление на Верх-Исетский завод. Его приняли, дали место в общежитии. На ВИЗе он встретил добрых людей, здесь начал формироваться как личность. Отсюда уходил добровольцем на фронт.

Всю жизнь, став писателем, Вадим Очеретин не терял связи с ВИЗом, бывал в цехах, писал о визовцах и депутатские приемы вел в бывшем своем листопрокатном. А Верх-Исетский заводской район навсегда остался самым родным. Здесь мы в молодости прожили более десяти счастливых лет. Нам были знакомы многие улочки в пору, когда высотки еще не вытеснили скромные добротные деревянные дома с зелеными лужайками и скамеечками под окнами. В летние денечки мы частенько катались на лодке по заводскому пруду, переплывали на небольшой островок Баран, откуда отлично смотрелся, особенно на закате да при тихой воде, городской берег, завод. И старый завод совсем не портил пейзаж.

Город, с которым связано все самое главное в жизни, в котором так много памятных мест.

Студентами, когда начиналась наша любовь, зимними, студеными вечерами мы бродили в садике Павлика Морозова, что за нашим госуниверситетом. Молодых деревцев там еще было немного, зато каждое — в снежном уборе, нарядное — стало знакомым добрым другом.

Уральские белые ночи... Такие, которые любовно описывает Вадим в одной из своих заметок к будущему роману. Такие, что *«...для человека даже с небольшой фантазией — возбуждение и восторг»*. Белыми ночками мы с ним *«...до усталости в икрах бродили по молчаливым улицам»* до трех-четырех часов. Приветствовали встречные пары. Останавливались на плотнике — любовались необыкновенными красками неба, полупрозрачными облаками, и Вадим без конца повторял: «Красивый у нас город!»

Не только в белые ночи мы любили пройтись по улицам города. Проезжали каждым новым маршрутом трамвая или троллейбуса из конца в конец, и Вадим радовался, что и в этот район можно легко добраться, радовался новым домам, что выросли там.